

Рис. 6. Бийке. Курган 4. Насыпь, кольцо и захоронения в ящиках.

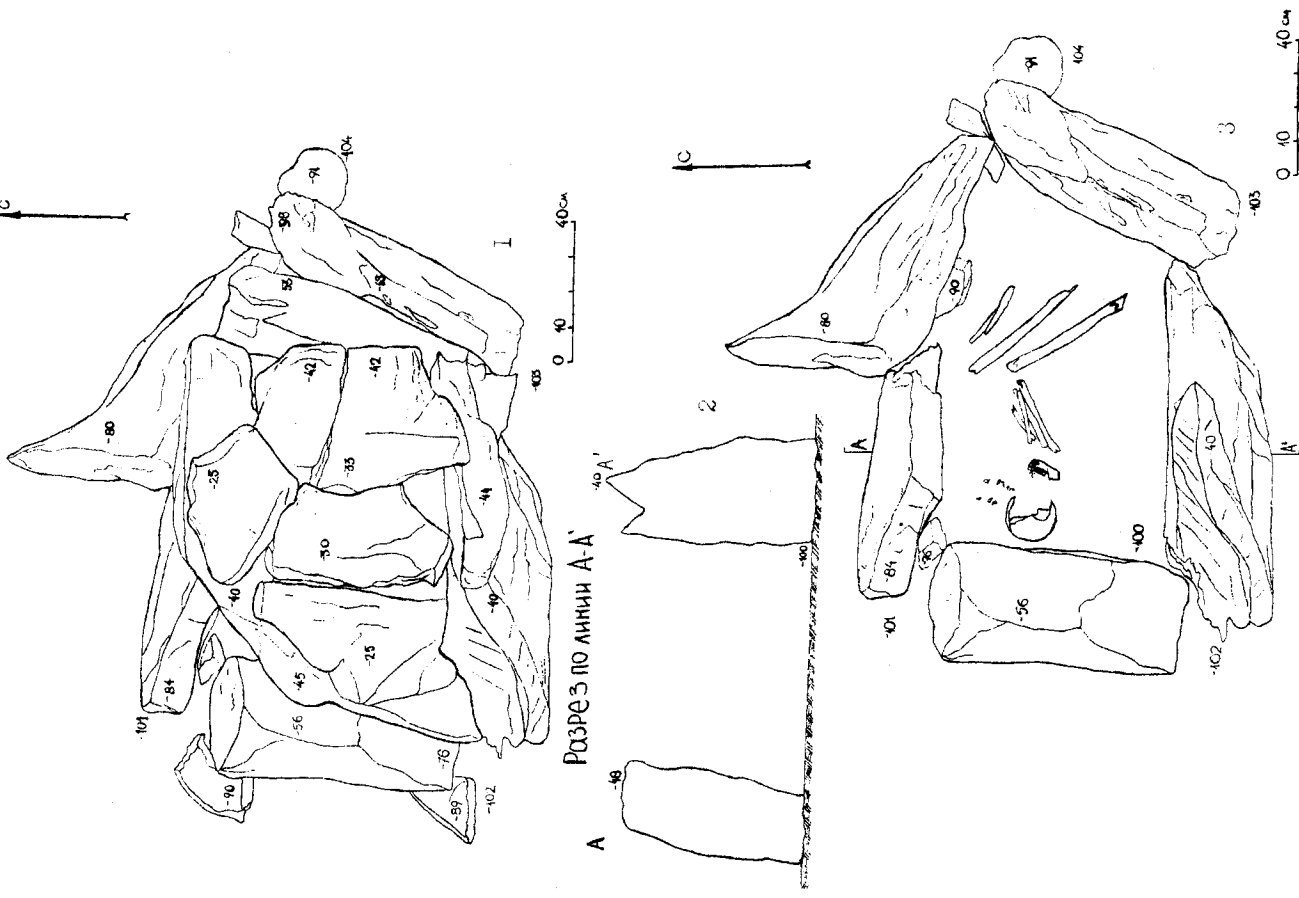
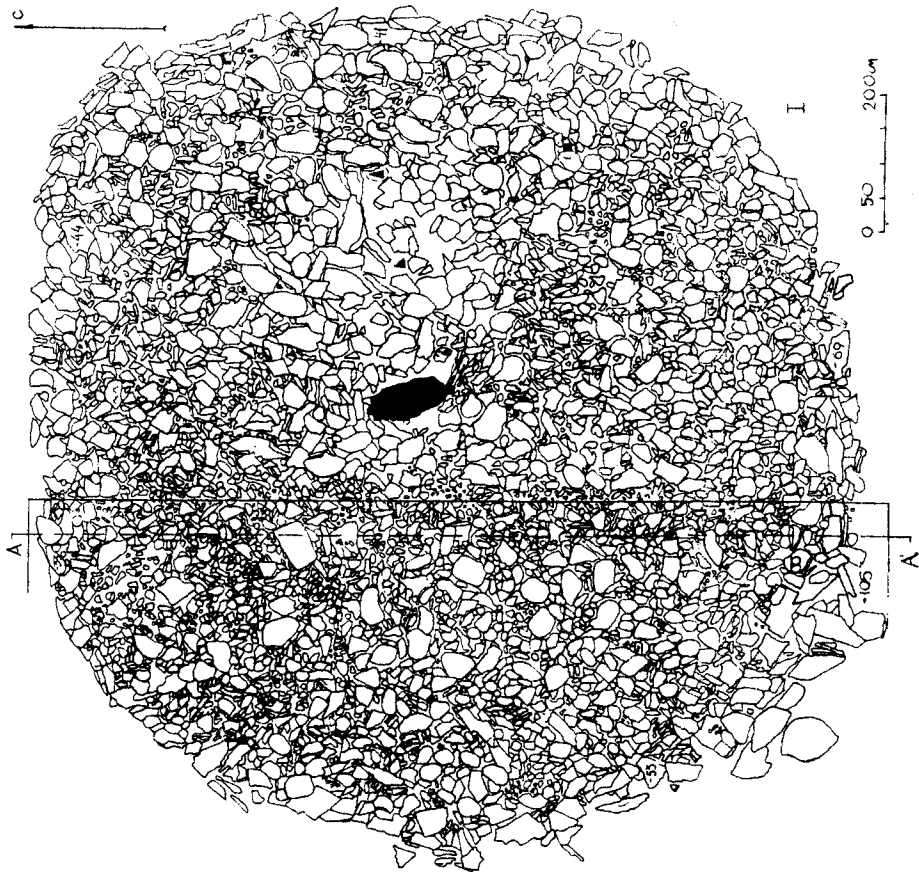

Рис. 7. Бийке. Курган 5. Погребение человека в каменном ящике.

Разрез кургана по линии А-А'

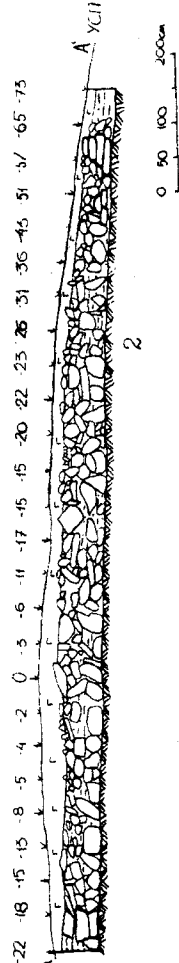

Рис. 8. Бийке. Курган 20. Каменная насыпь и ее разрез.

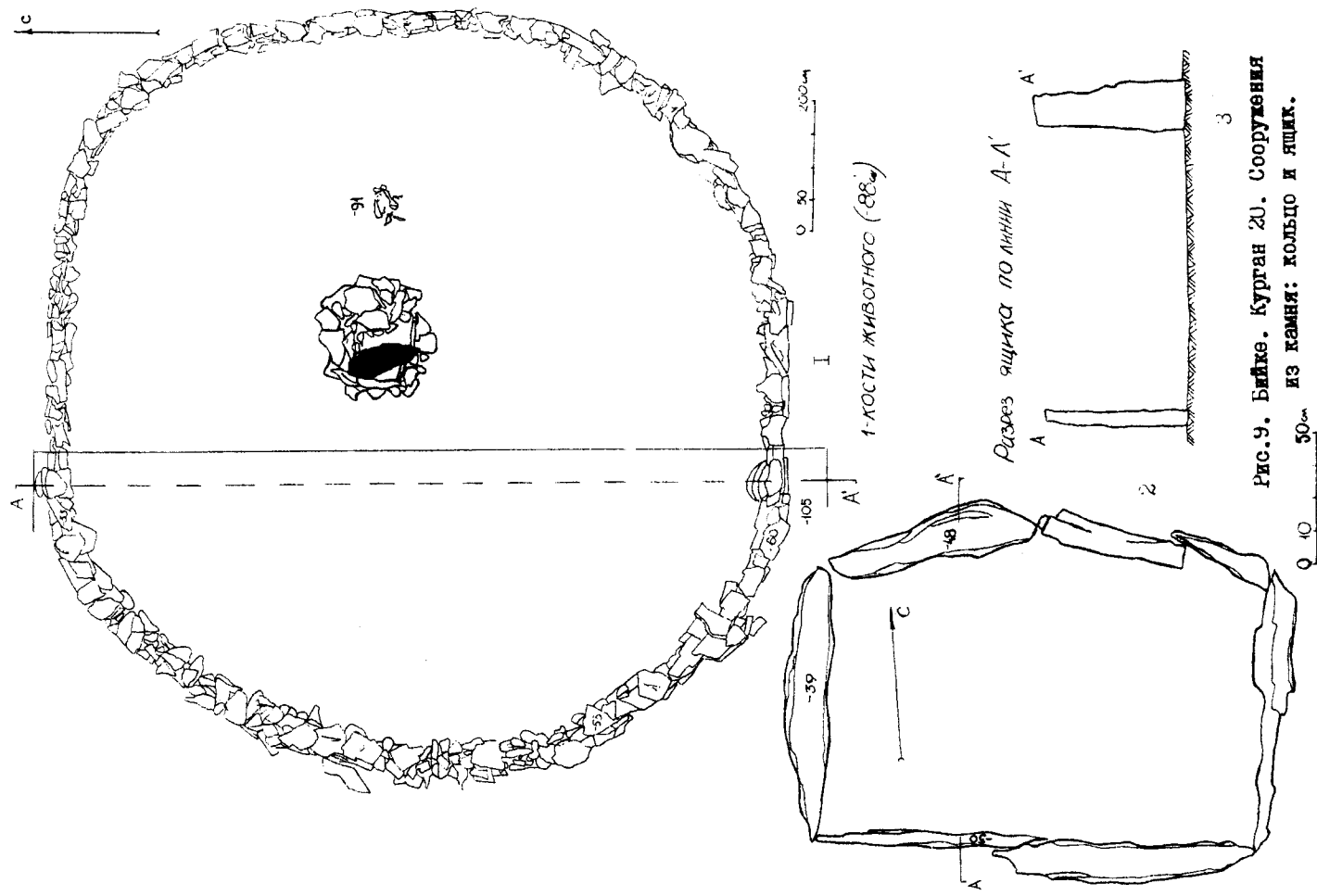

Рис. 9. Бийке. Курган 20. Сооружения из камня: кольцо и ящик.

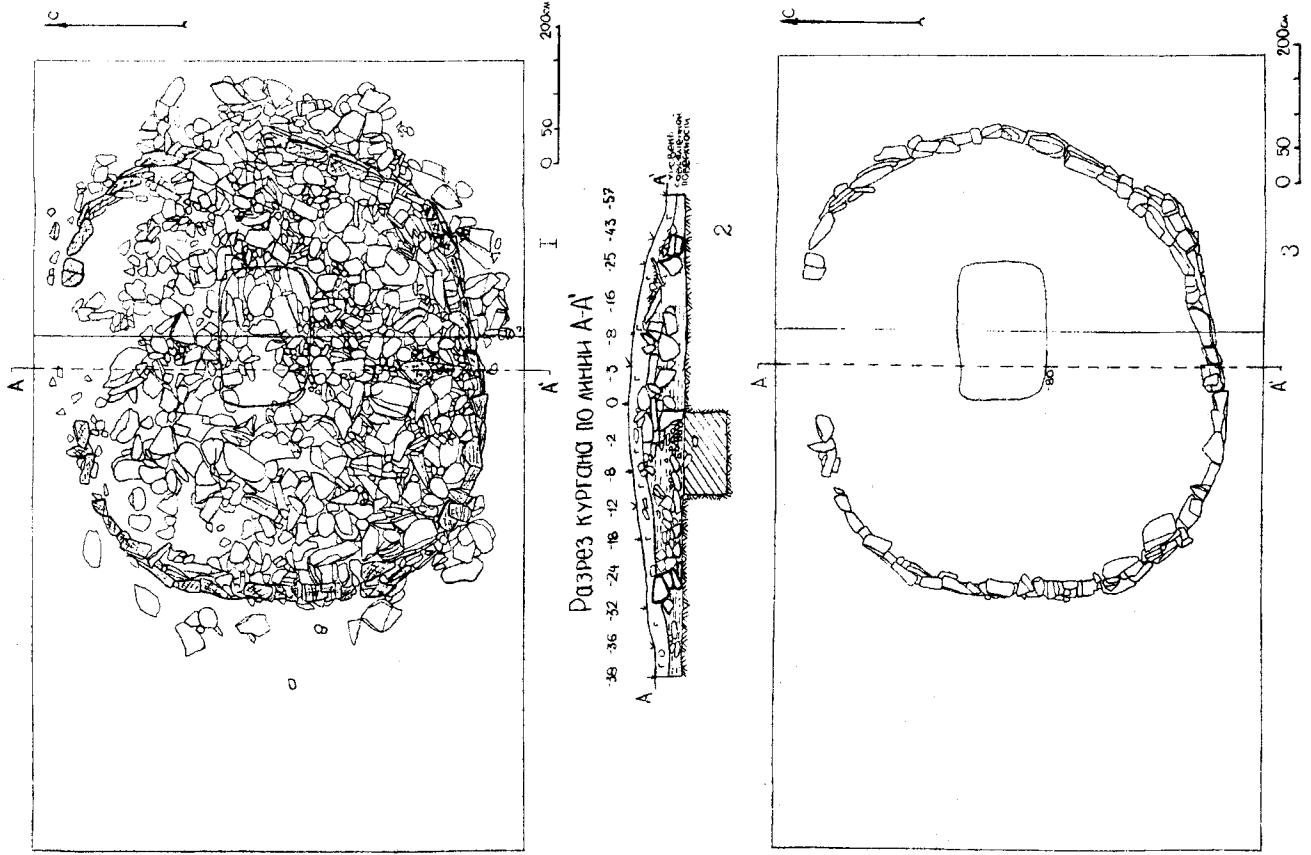

Рис.10. Бэйке. Курган 6. Каменная насыпь, ее разрез и кольцо.

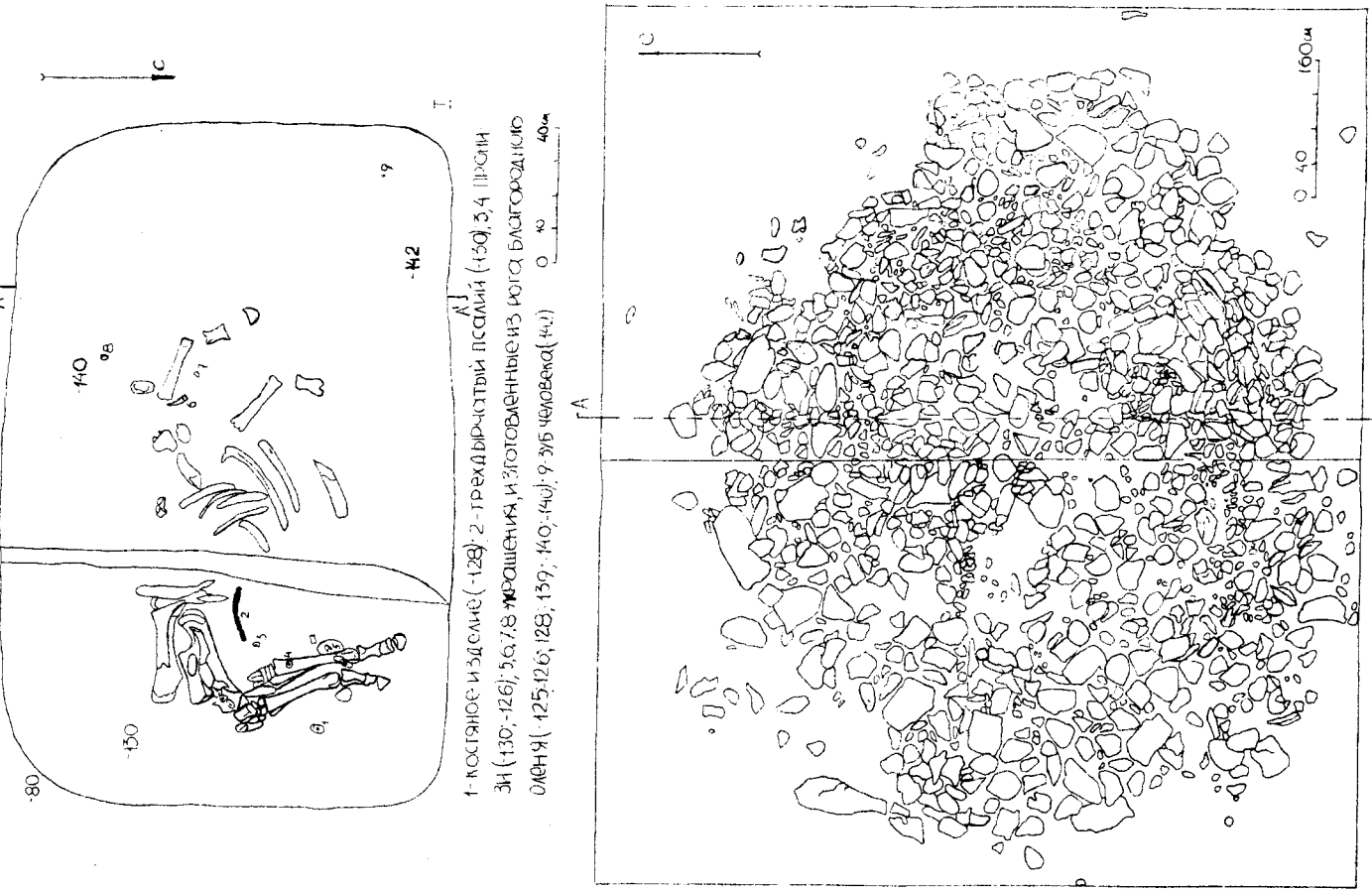

Рис.11. Бэйке. Курган 6 - могильный курган 2

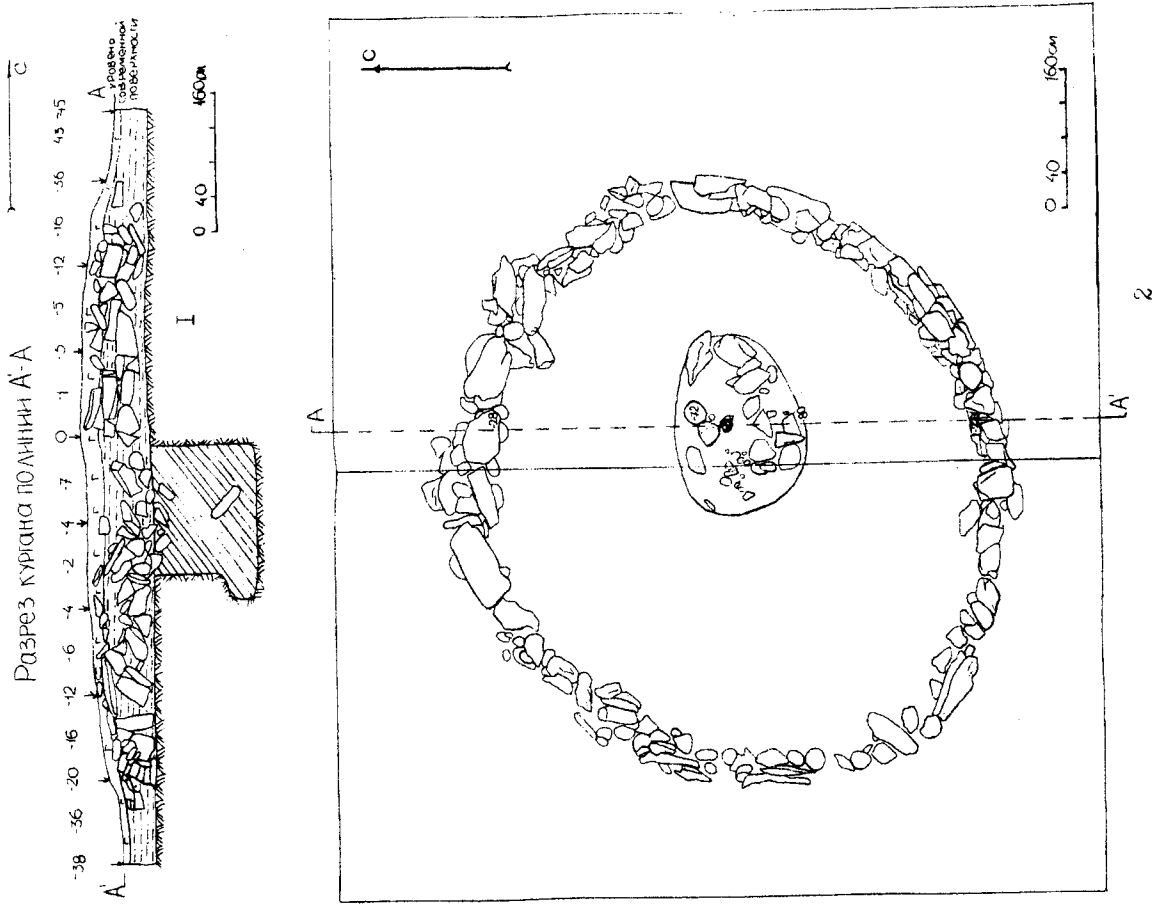

Рис.13. Бийке. Курган 7. Разрез кургана и кольцо.

2

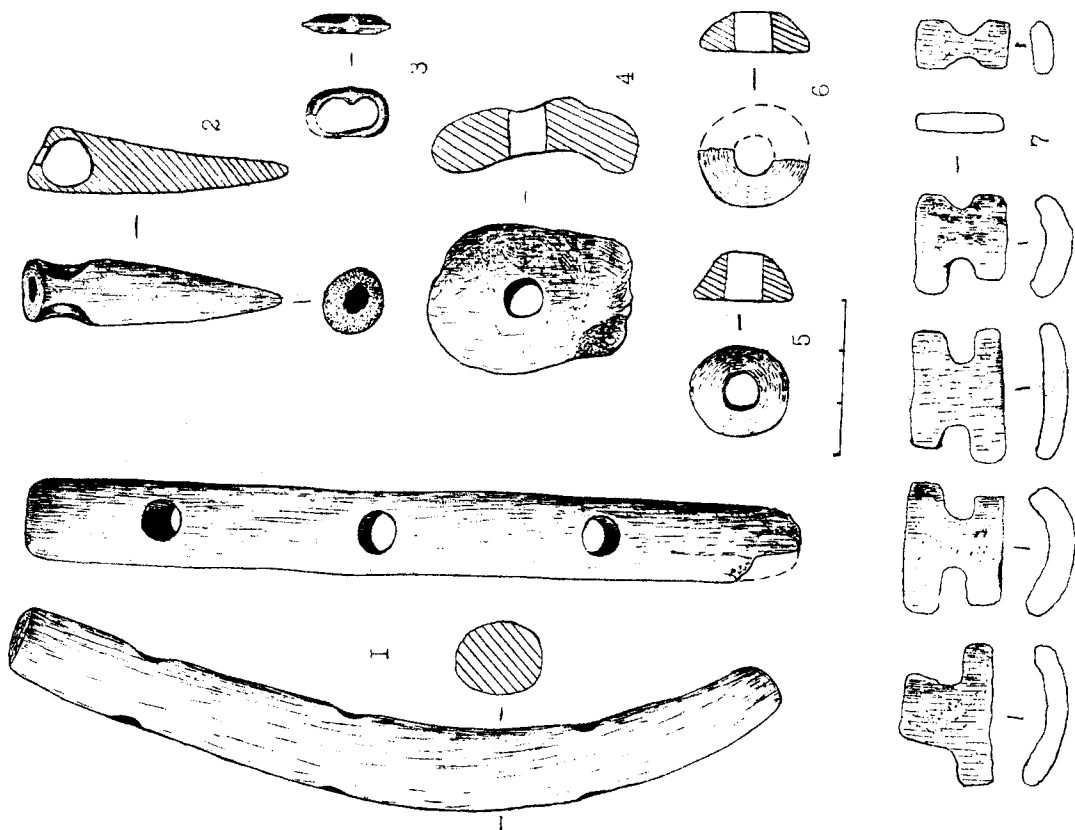

Рис.12. Бийке. Курган 6. Принадлежности конской сбруи, сделанные из рога.

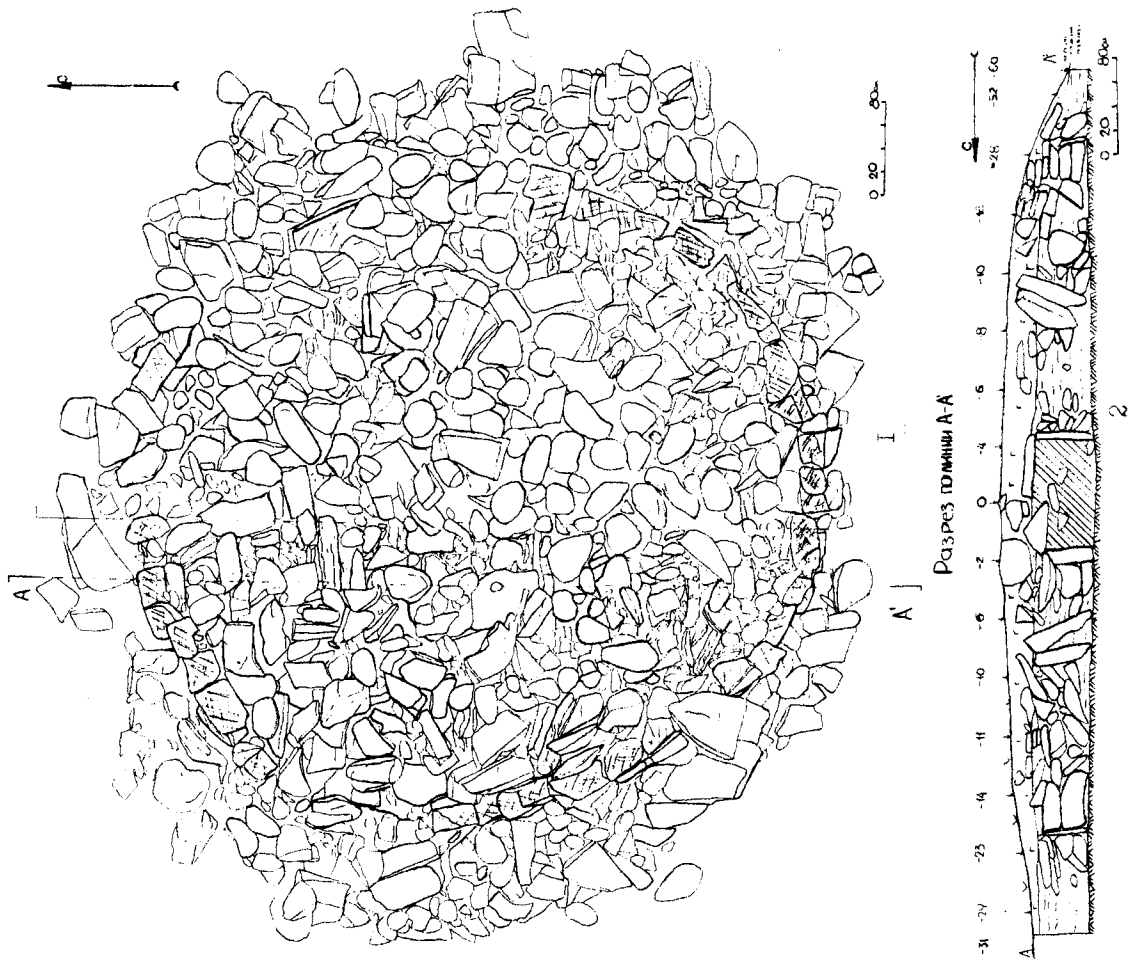

Рис.15. Бийке. Курган 8. Каменная насыпь и ее разрез.

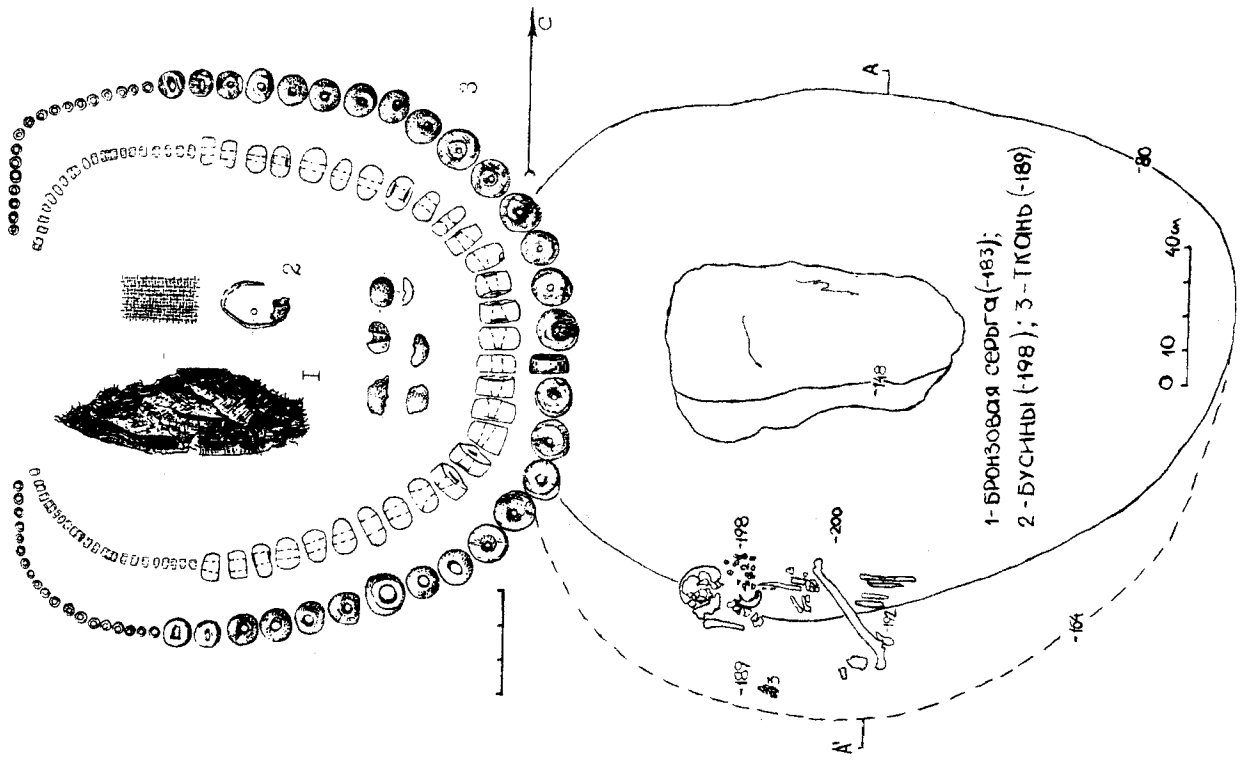

Рис.14. Бийке. Курган 7. Вещи из погребения, могила.

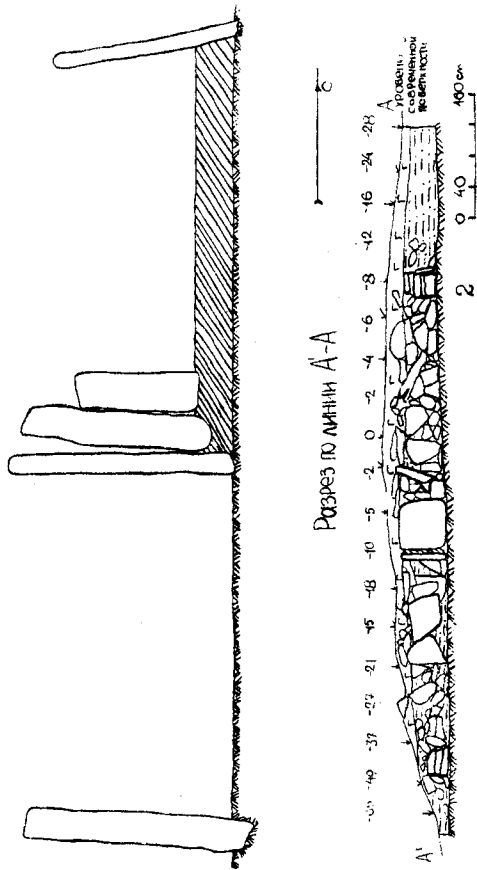
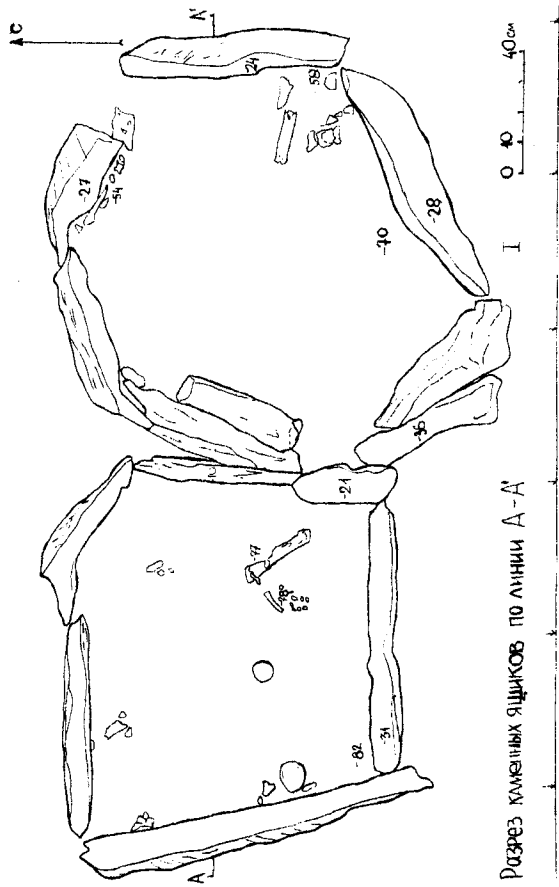

Рис.16. Бийке. Курган 8 - каменные ящики с остатками погребений.
Курган 9 - разрез кургана.

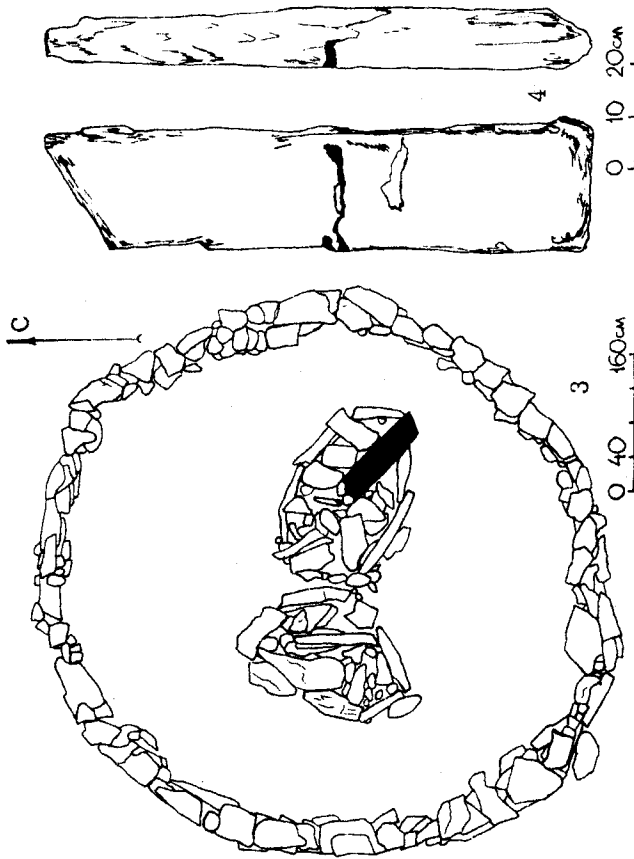
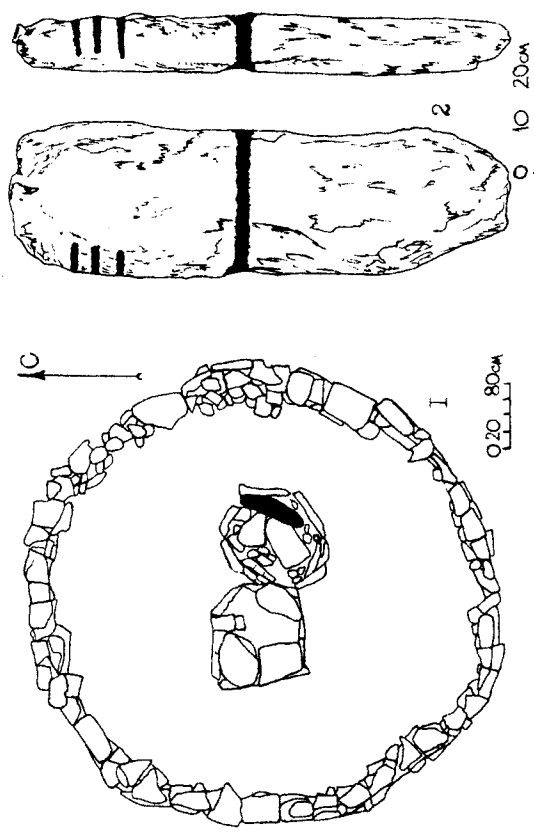

Рис.17. Бийке. Курган 8 - каменное кольцо, ящики и стела (1,2).
Курган 9 - каменное кольцо, ящики и стела (3,4).

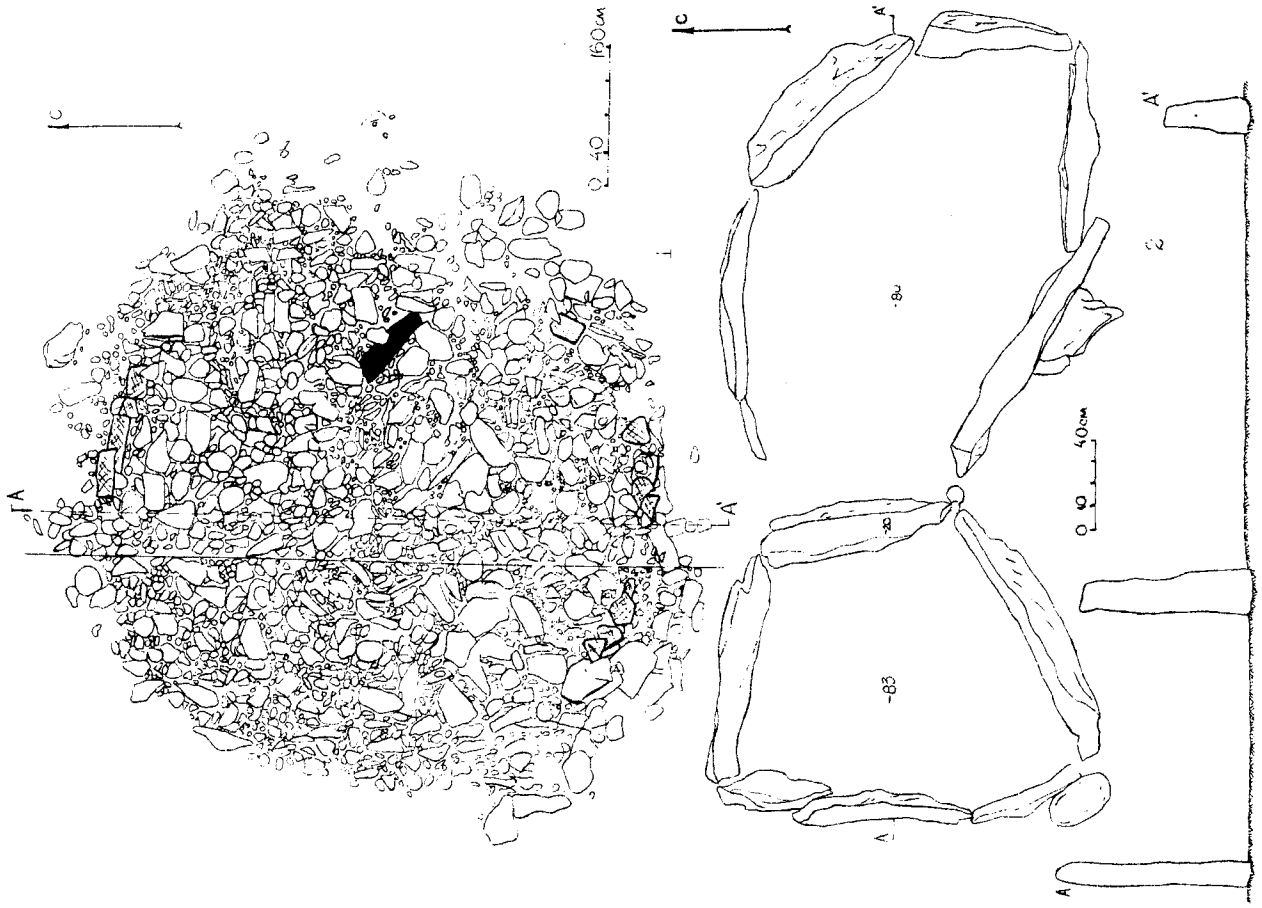
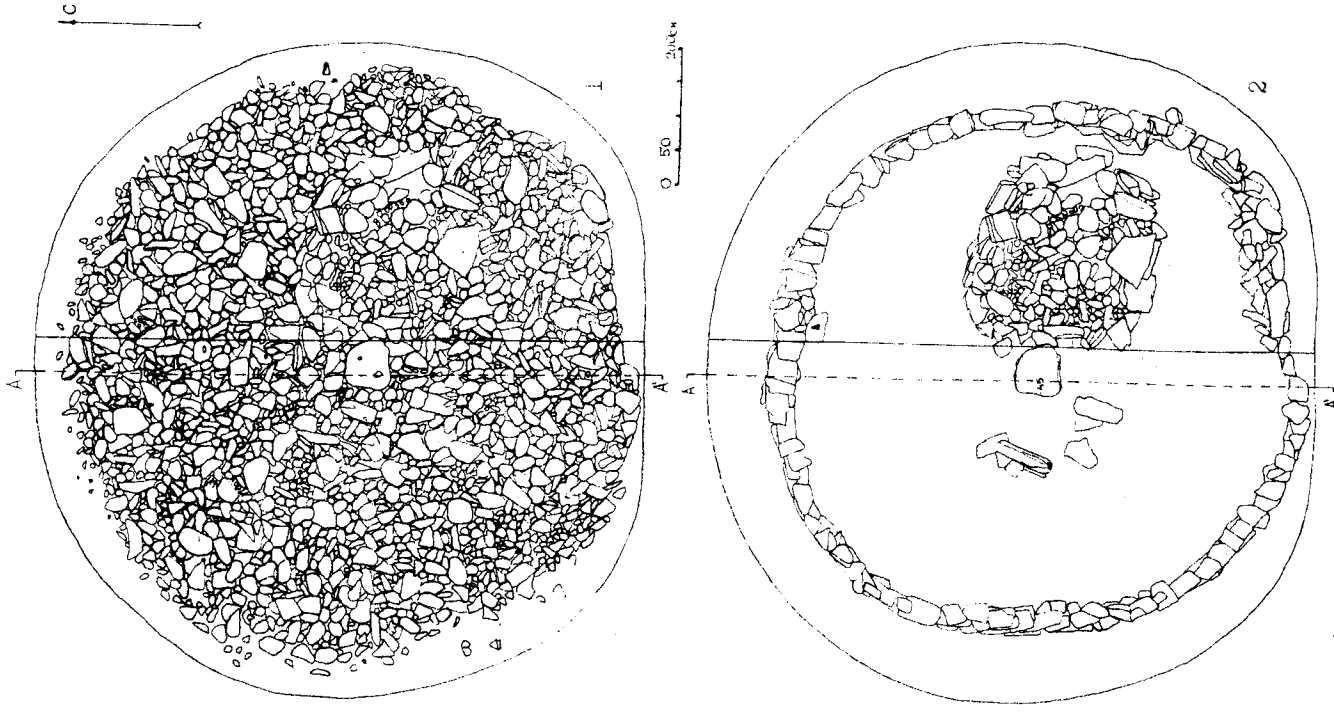

Рис. 18. Бийке. Курган 9. Каменная насыпь, ящички.

▲-Фрагменты керамического сосуда (25)

Рис. 19. Бийке. Курган 10. Каменная насыпь (1), погребальные

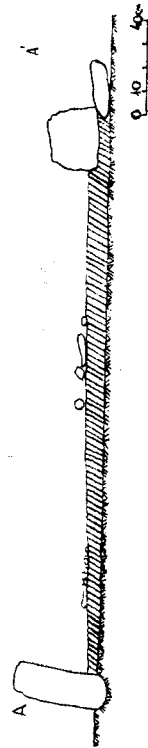
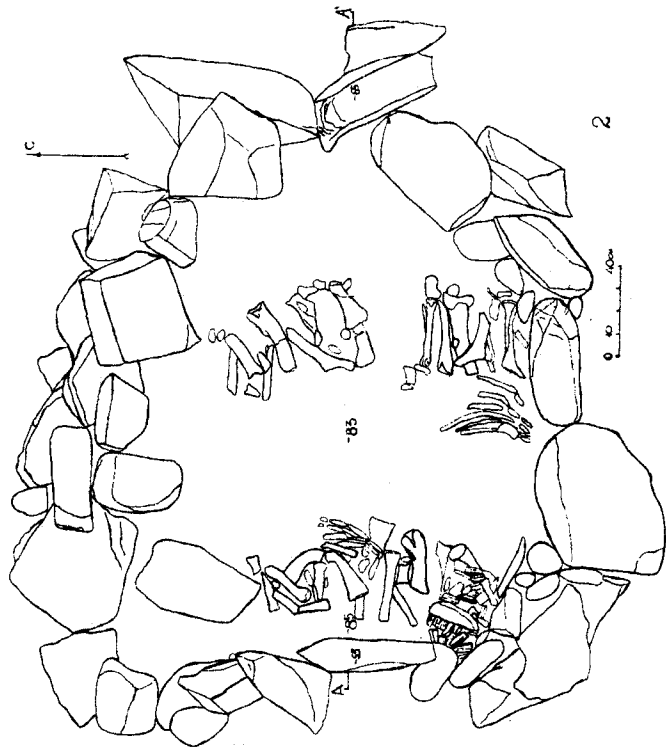
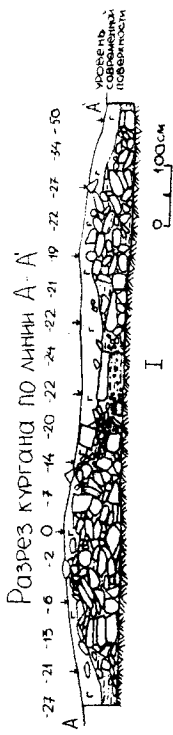

Рис.20. Ыйке. Курган І0. Разрез кургана (І), захоронения лошадей в каменной выкладке (2).

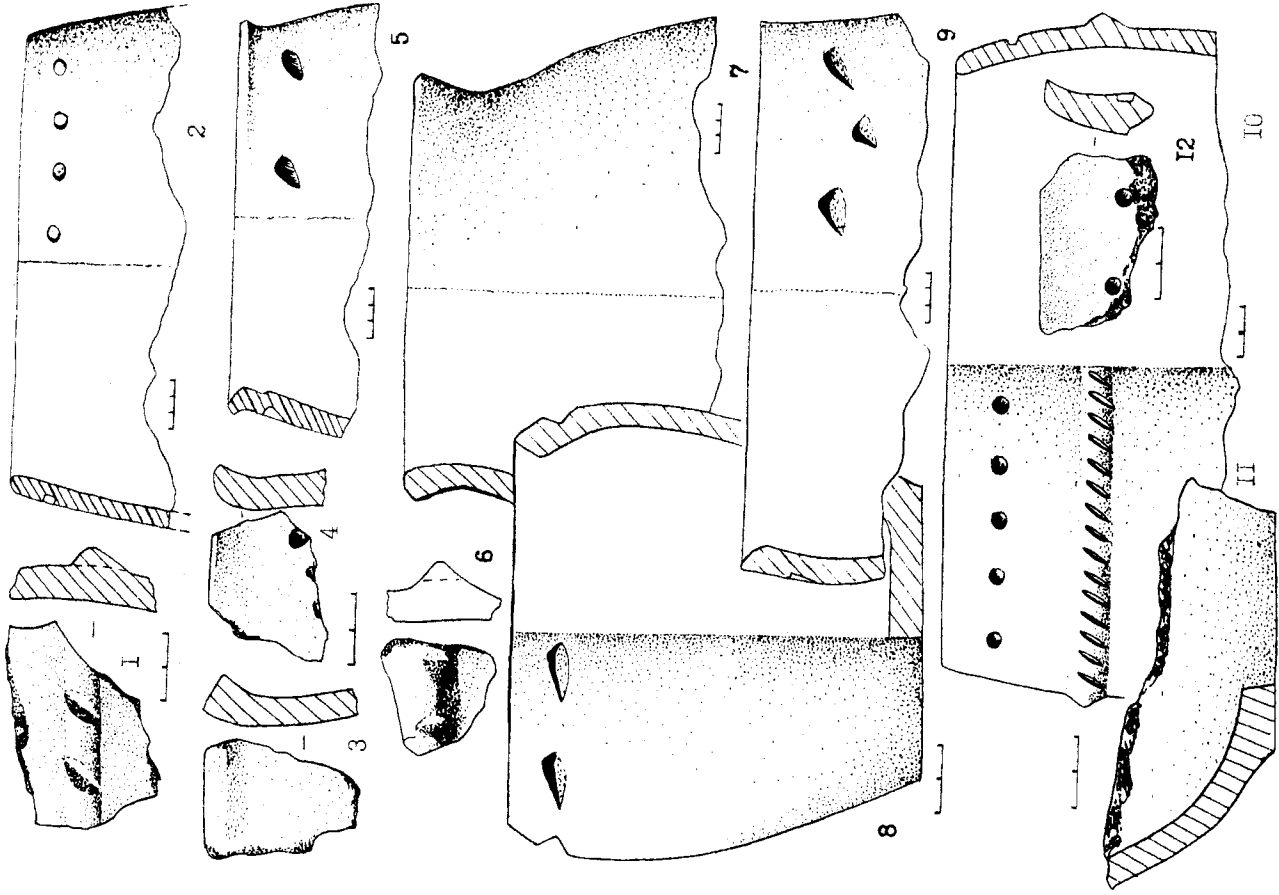

Рис.21. Ыйке. Керамика, найденная при раскопках курганов.

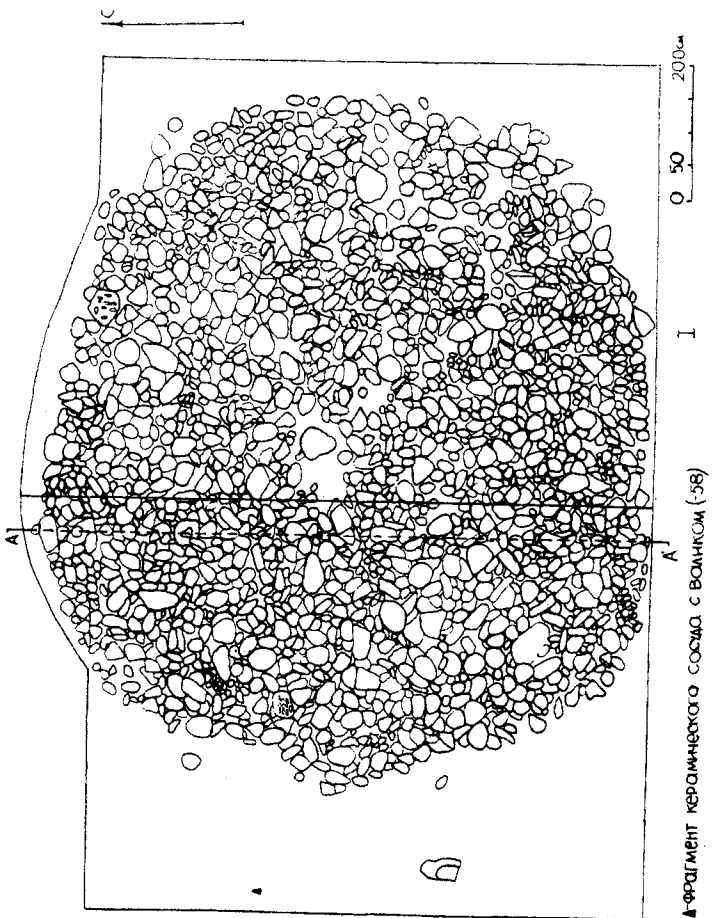

Рис. 22. Бийке. Курган I4. Каменная насыпь (1), ящик в центре кольцевой выемки, белобанн

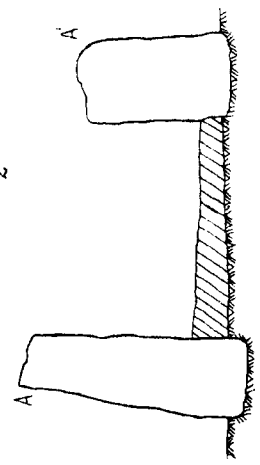
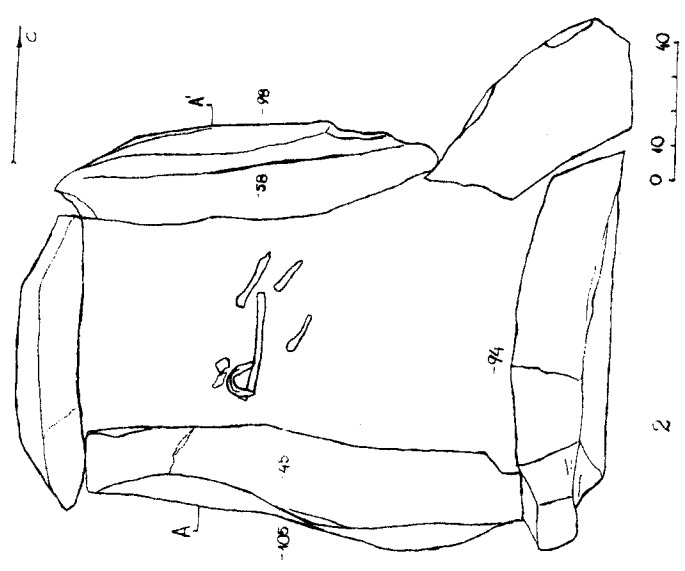
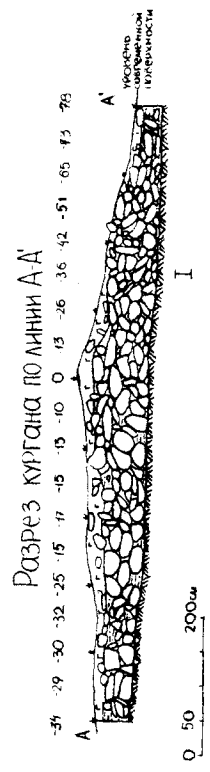
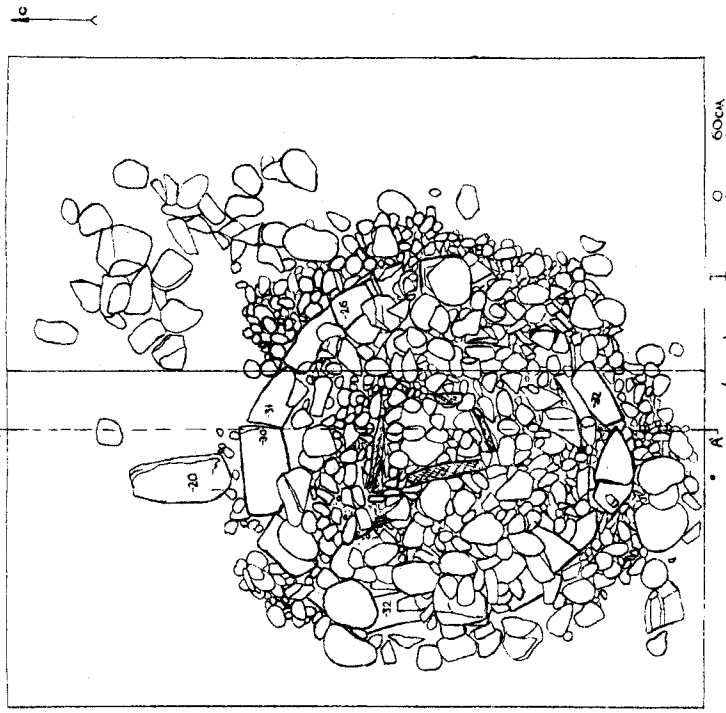

Рис. 23. Бийке. Курган I4. Разрез курганной насыпи, каменный ящик.

А, А фрагменты толстостенной керамики (ч.ф. 22)

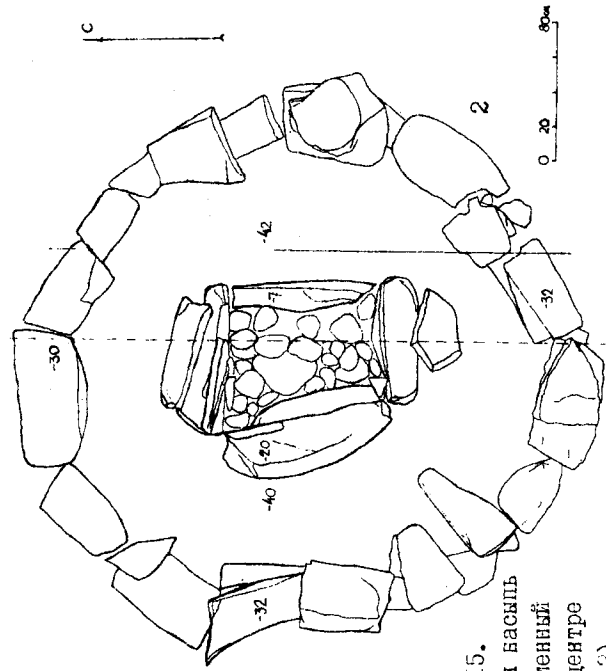
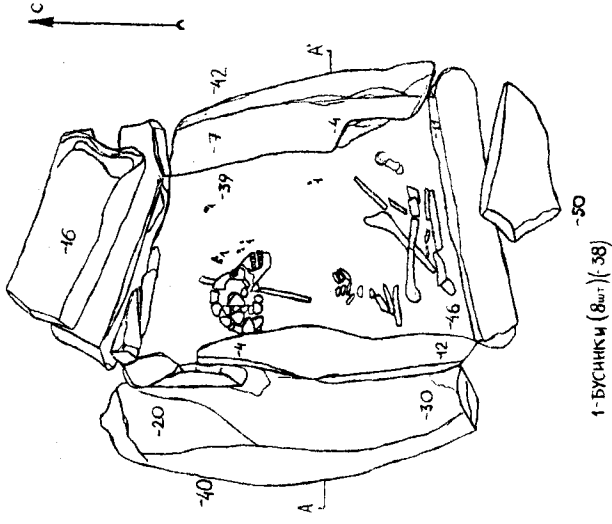
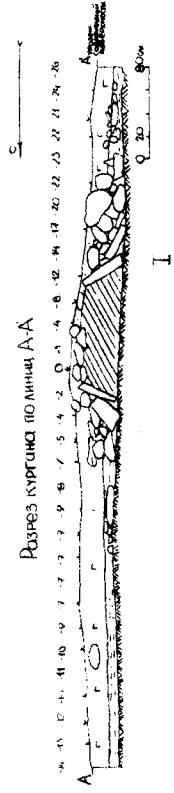

Рис. 24. Бийке. Курган 15. Каменная басыль (1), каменный ящик в центре (2).

Разрез кургана по линии А-А

1-бусинки (8шт.) (ч.ф. 38)

Разрез каменного ящика по линии А-А

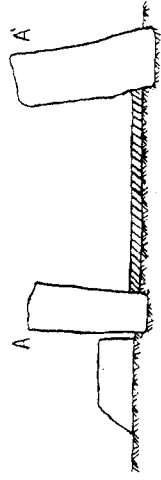

Рис. 25. Бийке. Курган 15. Разрез курганной насыпи (1). Погребение человека в каменном ящике (2).

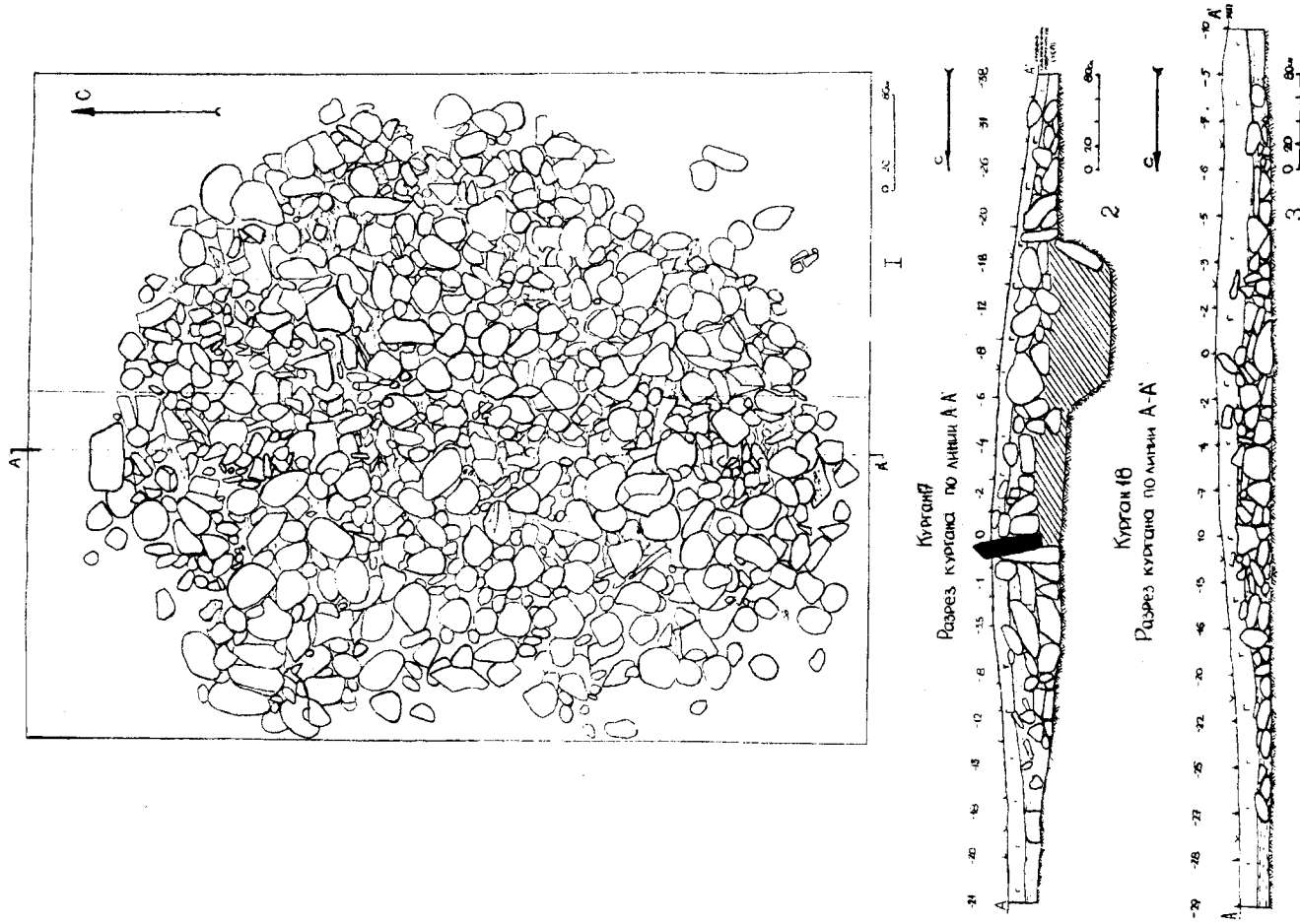

Рис. 26. Лийке. Курган 17. Каменная насыпь и разрез кургана (1, 2) разрез кургана 18 (3).

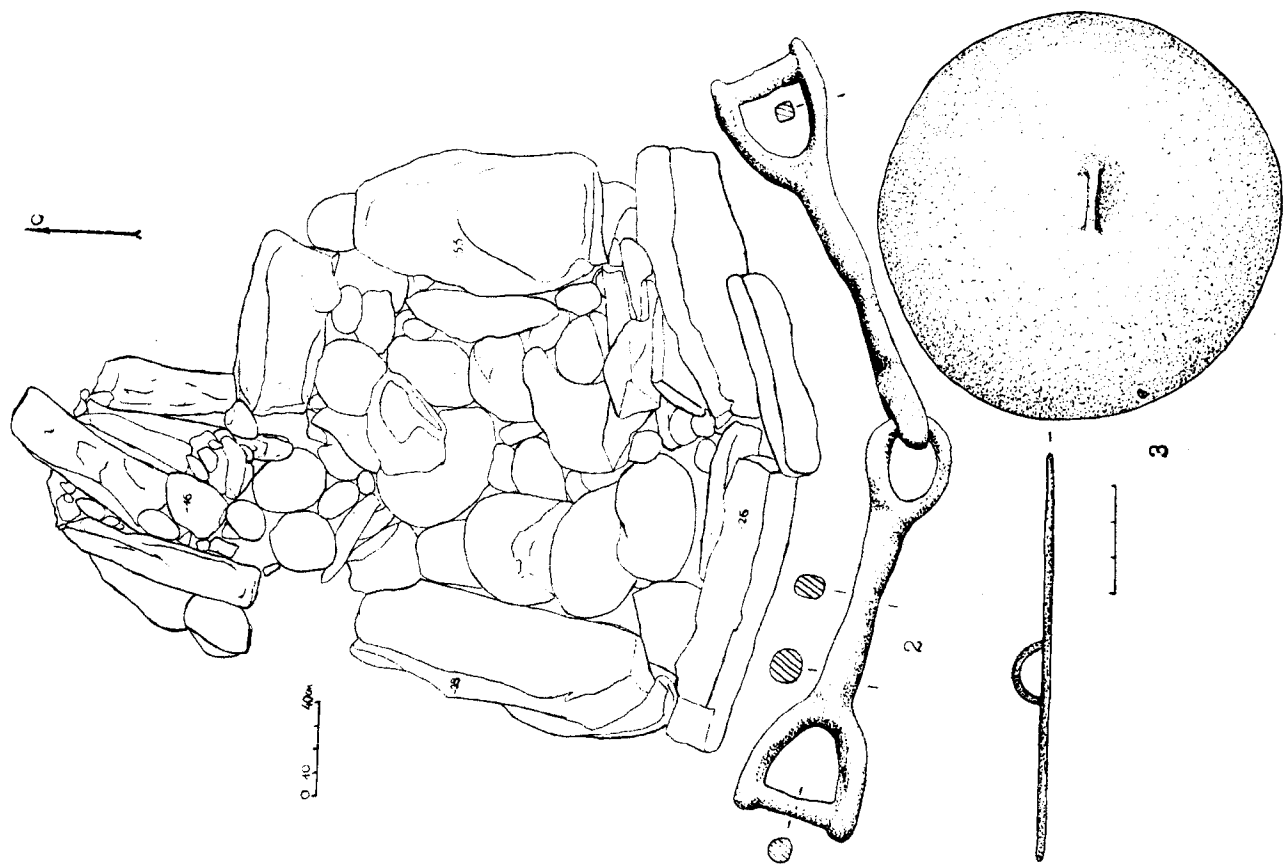

Рис. 27. Лийке. Курган 17. Зарытые погребальные конструкции (1), бронзовые удила и зеркало (2, 3).

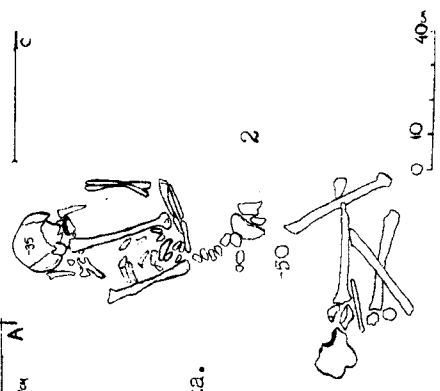
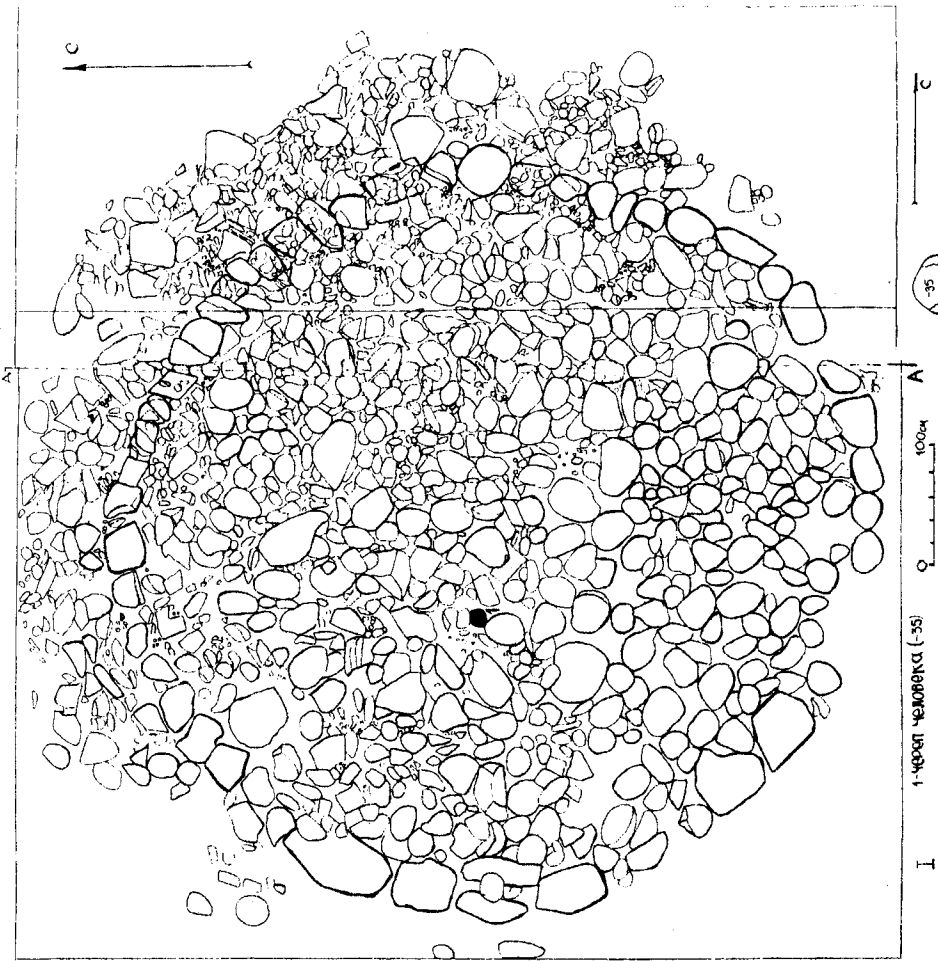
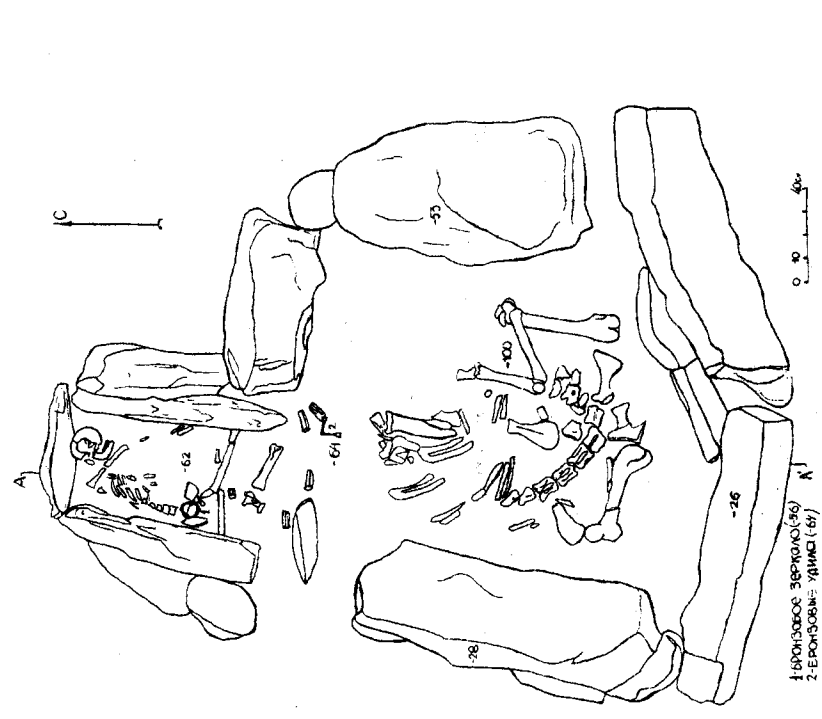

Рис. 29. Бийке. Курган 18. Каменная насыпь и погребение человека.

1-бронзовое зеркало (26)
2-бронзовые удила (67)

Разрез погребального сооружения по линии А-А

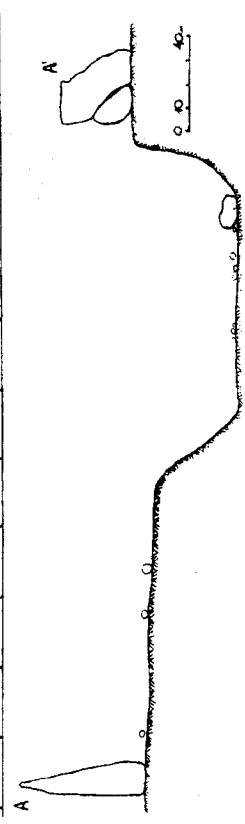

Рис. 26. Бийке. Курган 17. Захоронение человека и лошади.

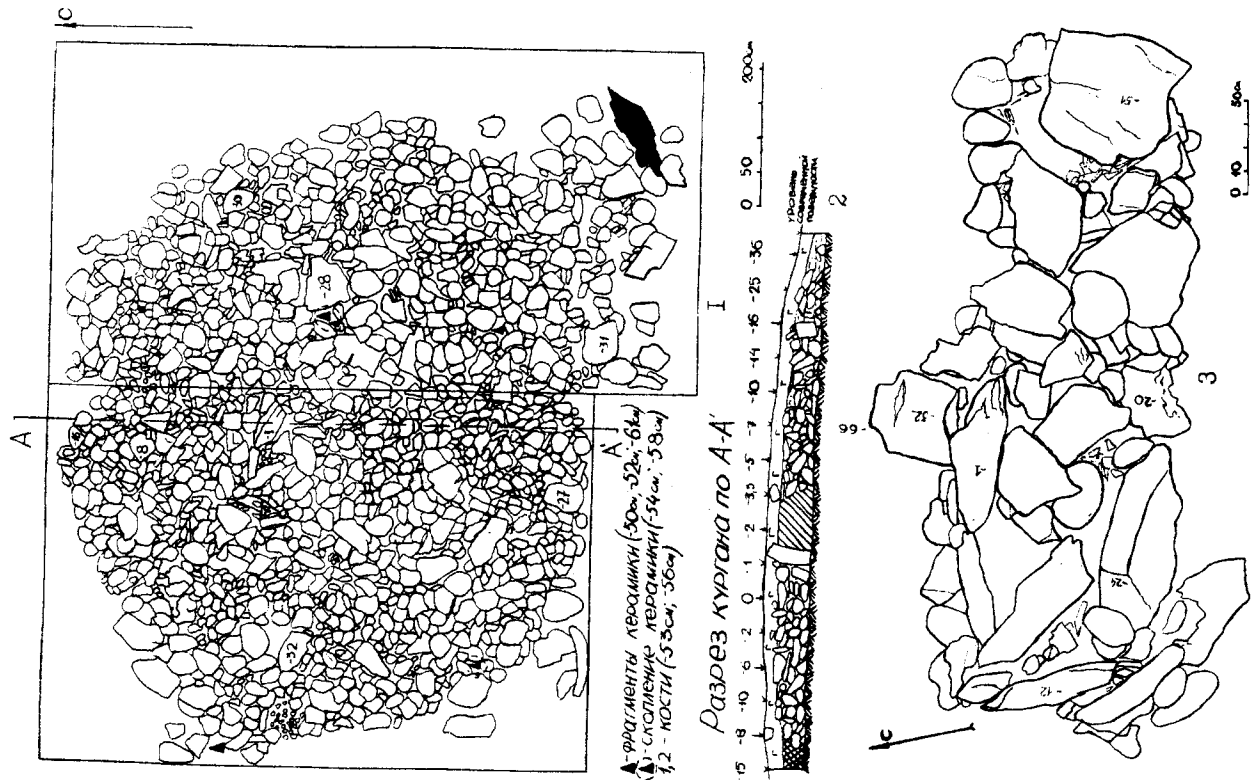

Рис. 30. Бийке. Курган 19. Каменная насыпь, ее разрез и закрытые погребальные сооружения.

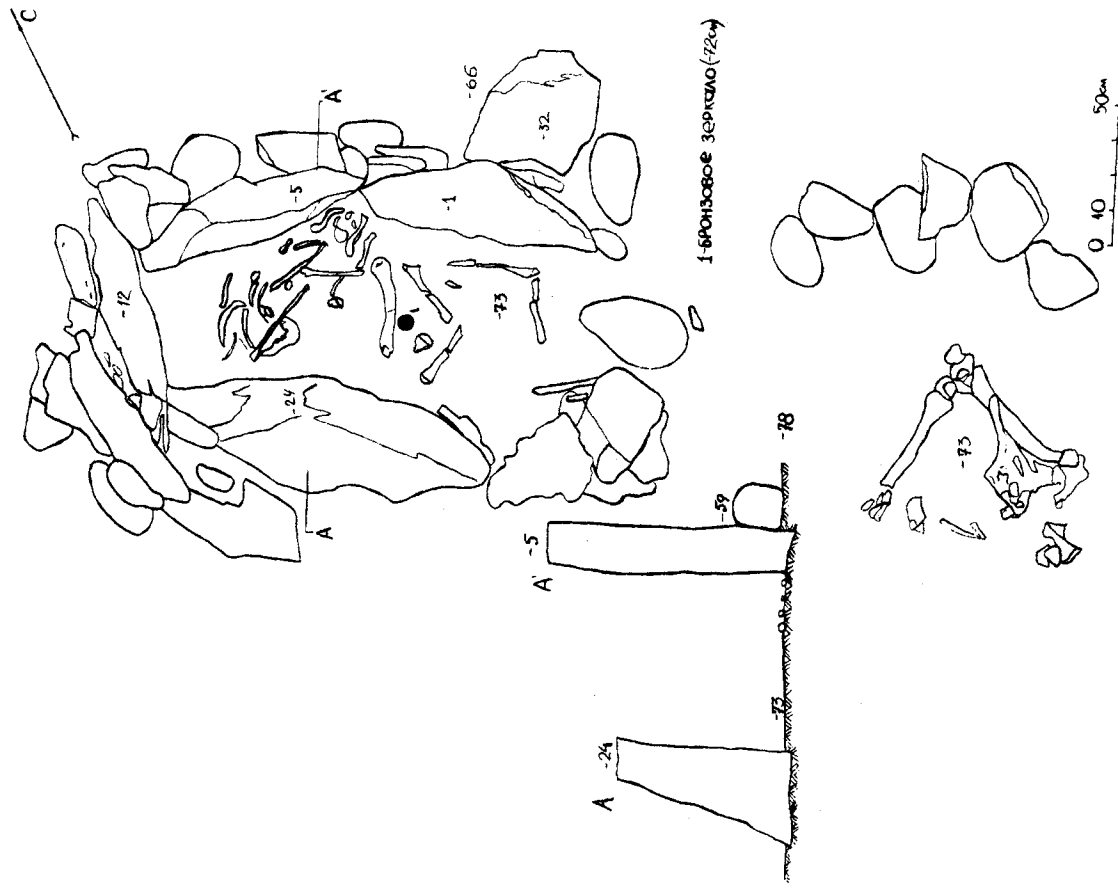

Рис. 31. Бийке. Курган 19. Погребение человека в каменном ящике и часть конской туши.

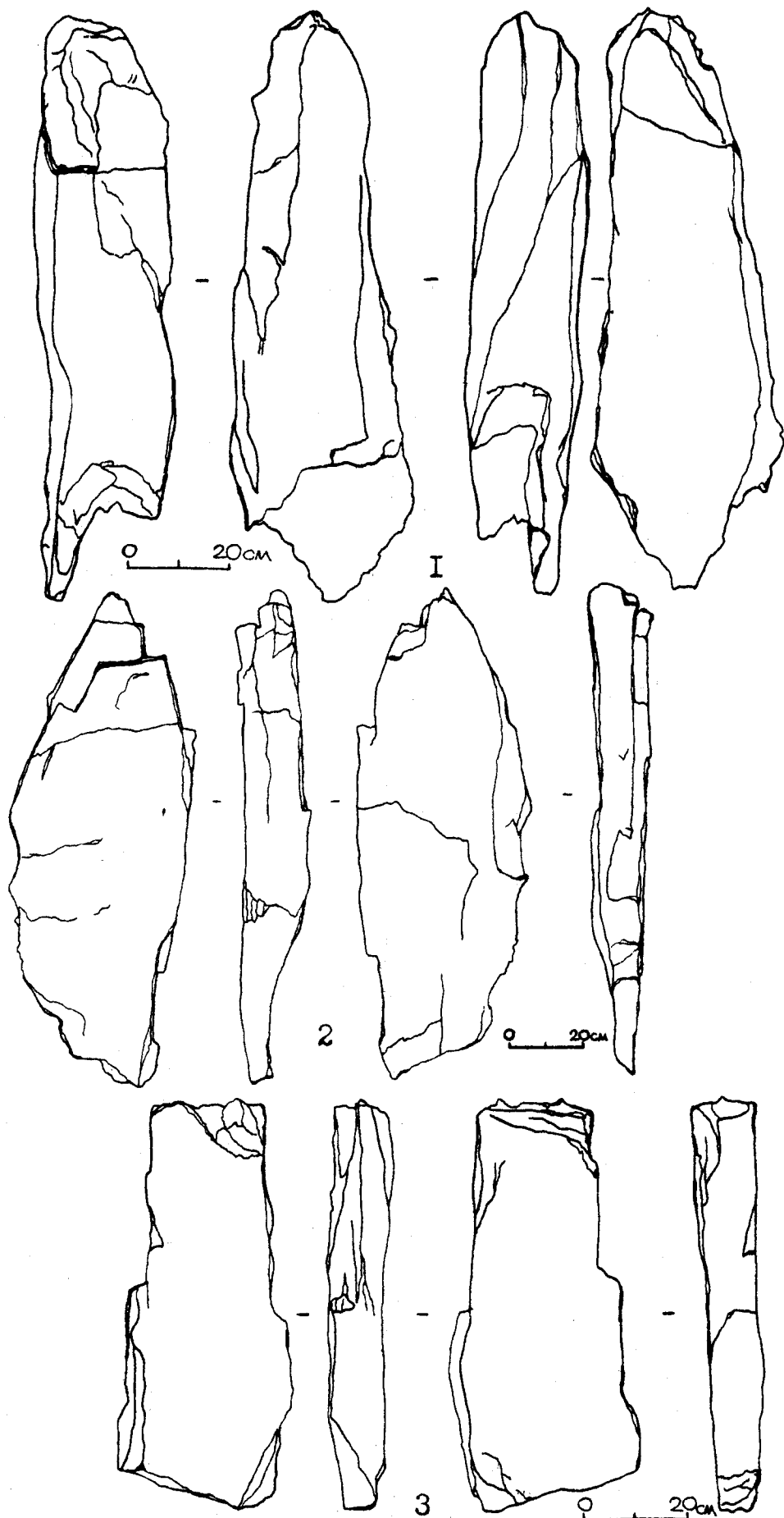

Рис.32. Каменные стелы. I - из кургана I9, 2 - из кургана 20, 3 - из кургана I7.

слоя, и в центре — ящик, перекрытый сверху галькой, валунами, имела диаметр около 3,5 м, высоту до 0,4 м (рис. 24). С северной стороны, возле кольца лежала плита, которая либо стояла вертикально, либо была сдвинута с кладки (рис. 24). Кольцевая выкладка имела диаметр до 3,4 м. Пространство между кольцом и ящиком завалено валунами, галькой и частично, рваным камнем. Ящик имел подпрямоугольную форму (длина 0,95 м, ширина 0,85 м, высота 0,35 м), сооружен из четырех плит, которые слегка наклонились вовнутрь и снаружи обложены подпорками (рис. 24, рис. 25). Умершая женщина 20–25 лет была положена на левый бок в очень скорченном положении, головой на северо-запад (рис. 25–2). Кости плохой сохранности, череп раздавлен. Из вещей обнаружены бусы (рис. 4–4). Захоронение в ящике произведено на небольшой земляной подсыпке.

Курган 16. Погребение гунно-сарматской эпохи [268].

Курган 17. Насыпь, сооруженная из валунов, рваного камня, гальки и щебня, имела диаметр около 5,5–6 м, высоту до 0,6 м (рис. 26–1,2). Под ней обнаружены две погребальные конструкции, сооруженные из больших плит, перекрытые валунами и примкнувшие друг к другу (рис. 27–1). Северное сооружение прямоугольной формы было сделано для погребения человека. Вертикально стоящая плита в ящике — это просевшая памятная стела размерами 0,8×0,33×0,12 м (рис. 26–2, рис. 27–1, рис. 32–3). Погребенная женщина 25–30 лет была положена на левый бок с сильно подогнутыми ногами, руки вытянуты к коленям, головой на север (рис. 28–1). При ней находилось бронзовое зеркало (рис. 27–3). Погребальные конструкции на стыке были потревожены, поэтому часть камней и костей сдвинута, выброшена или разрушена. С юга к ящику с погребением человека примыкала ограда, сооруженная из пяти огромных плит-блоков. В ней обнаружена яма, которая выкопана для захоронения коня. Животное в возрасте 4–5 лет было положено на живот с подогнутыми ногами, головой на север (рис. 28). Кости черепа почти отсутствовали, зубы лежали на одном уровне, что и человеческий скелет. Найдены бронзовые удила со стремячквидными окончаниями (рис. 27–2). Конь, по Цалкину, относится к группе «среднелобых» лошадей, т.е. типичный для степей Азии, индекс тонконогости 15,7 — средненокгий, у него зафиксирован брак для верха (сучил, косолапость). Плиты обнаруженных конструкций имели подпорки (рис. 27, рис. 28).

Курган 18. Насыпь диаметром около 7–7,5 м, высотой до 0,35 м представляла собой наброску из валунов, гальки, рваных камней и щебня (рис. 26–3, рис. 29–1). На фоне однообразной массы камней поверхности насыпи четко выделялись крупные валуны, примкнувшие друг к другу и образующие по периметру кургана кольцо диаметром около 6,5 м. В центре его, на уровне древней поверхности, находилось погребение мужчины 20–25 лет, уложенного на левый бок с сильно подогнутыми ногами, головой на запад (с небольшим отклонением к северо-западу) (рис. 29–2). Кости плохой сохранности, вещей не было.

Курган 19. При снятии дерна и зачистке обнаружена стенка сосуда с венчиком, позволяющая частично реконструировать верхнюю половину горшка (рис. 21–7), и скопление небольших фрагментов керамики без орнамента. Насыпь представляла собой каменную наброску округлой формы диаметром около 7,5 м, высотой до 0,65 м, часть камней, лежащих с юго-восточной стороны сооружения, вероятно всего, отброшена при ограблении из центра кургана. Среди них выделяется плита, которая, возможно, была стелой и имела следующие размеры: длина 1,12 м, ширина 0,36 м, толщина до 0,22 м (рис. 30–1, рис. 32–1). Никакой кольцевой конструкции не наблюдалось ни на зачищенной поверхности, ни при разборке насыпи. Ближе к центру, среди камней наброски, найдено скопление неорнаментированных фрагментов керамики, два из которых (часть тулова и придонная часть) достаточно крупные по сравнению с другими (рис. 21). Локтевая кость лошади и три неопределимых костных остатка (ближе к лошади) зафиксированы рядом с керамикой. В центре кургана обнаружен каменный ящик и примыкавшая к нему каменная конструкция (рис. 30–2). Все сооружение ориентировано по линии ЮВ–СЗ, имело максимальную длину 3,1 м, ширину до 1,35 м, высоту до 0,65 м. Под плитами юго-восточного сооружения лежали кости коня (возраст до трех лет, без пороков) и три изолированных зуба молодой овцы (рис. 31). Каменный ящик для погребения человека сооружен из пяти крупных плит, поставленных на ребро, и крупных камней, играющих роль подпорок. Ящик был перекрыт плитоподобными и другими крупными и мелкими камнями. Грабители, проникшие в погребальную камеру, существенно потревожили и сооружение, и скелет женщины 20–25 лет. Погребенная была положена, вероятно всего, головой на северо-запад, на боку с подогнутыми ногами. Среди человеческих

костей найдено бронзовое зеркало (рис. 4–2). Во время раскопок отмечается спланированность площадки под сооружение кургана.

Все описанные выше курганы относятся к слабоизученному периоду древней истории Горного Алтая — раннескифскому времени (IX) VIII–VI вв. до н.э. и поэтому требуется более подробный анализ имеющегося материала.

Погребальные сооружения — это форма организации замкнутого пространства для умершего человека, являющаяся относительно устойчивым признаком погребального обряда определенного населения. Вид погребального сооружения, по мнению В.С. Ольховского, во многом определяется господствующей религиозно-мифологической концепцией и влиянием природной среды [218, с. 16]. Кроме этого, на наш взгляд, на виде погребального сооружения сказывались и другие стороны жизни людей, среди которых необходимо отметить определенный тип ведения хозяйства, имеющий значительное влияние на характер общественно-экономических отношений и менталитет конкретных социально-родственных образований. Также не стоит исключать значение практического владения навыками и приемами различного строительства (в том числе, особенно, возведение жилищ), умения использовать и обрабатывать необходимые материалы для устройства погребений. Не последнюю роль играет организация всего процесса захоронения, где отражалось отношение к умершим, основанное на традиционных связях между поколениями людей. Обращая внимание на вышеперечисленные моменты, можно более полно раскрыть ряд особенностей культуры того населения, историю которого мы изучаем по материальным остаткам.

Остановившись на планиграфии изучаемого археологического памятника, необходимо еще раз отметить определенный порядок в расположении курганов на всей территории могильного поля: микроцепочками в 2–3 объекта, ориентированных по линии ЮЗ–СВ, и небольшими (до 5 объектов) компактными группами. Подобная картина наблюдается на ряде курганных могильников, где обнаружены погребальные сооружения, относящиеся исследователями к раннескифскому времени [180, с. 11–12; 260, с. 56–67 и др.].

Решение проблемы интерпретации расположения курганов на могильном поле и их внутреннего устройства приводит к тому, что мы имеем здесь дело с имитацией реально существовавших жилищ и конкретной планировки поселений определенных территориаль-

но-локальных групп населения. А.С. Суразаков считает, что погребальные сооружения подобного плана были оставлены разными семейно-родственными коллективами (общинами) [260, с. 61]. П.И. Шульга предполагает, что цепочка курганов являлась местом захоронения рода или большой патриархальной семьи [331, с. 42]. Так или иначе, но перед нами на Бийке представлена имитация аильной планировки поселка, характерной для кочевого и полукочевого образа жизни родственной группы людей. Подобная планировка преобладала в Горном Алтае в эпоху раннего железного века, что подтверждает и незначительная площадь поселений, где люди могли проживать одновременно в 2–3 жилищах [331, с. 41–44]. Последнее находит реальное отражение в микроцепочках курганного могильника Бийке. Что касается компактных групп курганов, то, вероятнее всего, это результат пристройки погребений семьями, проживающими несколько позднее, что позволяет говорить об относительной хронологии этих погребальных сооружений. Последний факт хорошо демонстрируется при рассмотрении первой группы курганов. Так объекты 1, 2 были самыми ранними в этом скоплении погребений, располагались они цепочкой по линии ЮЗ–СВ и несколько отличались от других. Затем возле этих двух курганов возведен объект № 3, с весьма своеобразными признаками погребальной конструкции и захоронением лошади. После этого сооружен курган № 4 — отражение определенного этапа в развитии погребальных традиций населения, оставшихся могильник Бийке. И последним в этом месте было оставлено погребение № 5.

Стоит отметить еще одно характерное наблюдение при интерпретации планиграфии курганного могильника Бийке. Это то, что курганы с самым большим диаметром насыпи и рядом характерных особенностей располагались крайними с юго-западной стороны цепочки. Данное обстоятельство можно объяснить имитацией существования на аильном поселении главного жилища, где, возможно, проживал старший представитель рода или семейно-родственной группы. Если это предположение верно, то тогда, при дальнейших исследованиях, к юго-западу от первой группы курганов можно обнаружить объект с большим диаметром насыпи, который сейчас, вероятно, скрыт слоем песка и дерна (рис. 1).

Определенное направление в расположении жилищ на местности связывается с традиционной ориентацией входа-выхода. У носите-

лей скифской культуры в Горном Алтае она, возможно, была восточная [331, с. 43–44]. Проследить наличие входа на материалах курганного могильника Бийке нам не удалось, но сведения о специально оформленных «воротах» в курганах раннескифской эпохи Средней Катуни имеются [260, с. 62]. Возможно выявленная закономерность, что ориентация входа перпендикулярна направлению цепочки жилищ [331, с. 44], подтвердится при дальнейших исследованиях погребальных сооружений интересующей нас эпохи.

Подвижный образ жизни предполагает наличие определенных особенностей в конструкции жилищ, отражающих, прежде всего, возможность его переноски, быстрого сооружения, сворачивания, использования подручных средств, материалов и т.п. Наиболее широко в таком плане применялось сооружение типа юрты конической или полусферической формы, в основании которого положен круг. Данное обстоятельство нашло свое отражение в курганах могильника Бийке, где под камнями наброски зафиксированы кольца-стенки, выложенные из камней плиточных форм в несколько слоев (до семи слоев, высотой до 0,6 м), и кольца-крепиды из больших камней в один слой. Необходимо отметить, что население оставившее такие сооружения, по всей видимости, не владело приемами кладки, позволяющей связывать всю конструкцию в единое целое, поэтому часть каменной стенки, чтобы она не упала, не разрушалась, подпиралась валунами или вкопанными (забитыми) и поставленными вертикально плитами с внутренней, иногда и с внешней, стороны круга. То обстоятельство, что племена раннескифской эпохи Горного Алтая не знали приемов связывающей каменной кладки, легко объяснимо. Это не требовалось при сооружении жилища (юрты), где несущая конструкция изготовлялась из жердей. Кроме этого, не воздвигались крепостные стены, жилищные, хозяйственные и другие объекты строительства, характерные для культур оседлого населения. К тому же Горный Алтай имеет такие природные условия, которые позволяли людям вести определенный образ жизни и деятельности, особенно не беспокоясь о своей безопасности. Сооружение кольцевой крепиды или стенки из камней — это элемент отражения конструкции жилища, который был нужен у основания юрты для создания общей прочности воздвигаемой постройки, а также для ряда других практических предназначений, например, чтобы прижать войлочную (или дру-

гую) обкладку жилья, предохранив ее от срыва во время ветров. В таком случае сооружение круга внутри курганной насыпи символизирует, в первую очередь, жилище и защиту [32, с. 189], а затем, может быть, религиозные воззрения [330, с. 553–608].

Возможно, что наличие в курганах колец-стенок, является отражением конструкции одного конкретного вида жилищ того времени, допустим, юрты полусферической формы. Тогда кольцевая кладка — это имитация стенок жилищной постройки, а наброска сверху нее камней — имитация крыши. В связи с этим, на наш взгляд, курганы, в которых имеются кольца-крепиды, стоит рассматривать как отражение конструктивности первого типа жилища, но в несколько более позднее время. Сооружения же в виде холмообразных каменных набросок могут подразумевать жилища другого вида — типа юрты, шалаша конической формы. Такой подход к интерпретации погребальных сооружений носит предварительный характер, но, на наш взгляд, перспективен, потому что при привлечении массового материала могильников и раскопок поселений можно будет выйти на уровень реконструкции типов жилищ населения раннескифского времени Горного Алтая. В этом плане могут помочь уже проведенные подобные исследования в других регионах [56, с. 25–29 и др.], а также этнографические наблюдения [47; 272 и др.]

Возможно элементом имитации жилища является наличие в центре некоторых курганов насыпей каменных стел, которые, вероятно, имели и определенное культовое значение. На двух плитах из к. 8 и к. 9 отмечены антропоморфные черты (рис. 17) [264, с. 46–49]. Хронология существования и семантика подобных изображений подробно дана В.Д. Кубаревым [150, с. 42–45, 57]. Стоит добавить, что такое схематическое антропоморфное изображение, являющееся связующим звеном с загробным миром ушедших из реальной жизни предков, формирует различные культовые ритуалы поклонения идолам. Именно поэтому стелы, в первую очередь, были опрокинуты при осквернении погребальных сооружений, как факт надругательства над обычаями определенных людей. Традиция воздвижения на могиле столба, ассоциировавшегося с опоркой кровли жилища (осью мироздания) и с мировым деревом, вырастающим из земли, и с покойниками-отцами фиксируется в Ригведе [330, с. 55].

Кроме стел, рядом с курганом № 14, с западной и восточной стороны зафиксированы

вкопанные вертикально в землю плоские камни-балбалы, выполняющие функции, находящихся вблизи с жилищем коновязей. Подобная ситуация отмечена и при раскопках кургана № 5 могильника Кор-Кобы I, датированного раннескифским временем [260, с. 59, 63, 84–85]. А на ряде исследованных могильников раннескифской эпохи (например, Айрыдаш I) рядом с балбалами находились ямы, в которых были захоронены лошади. Данный факт отражает наиболее раннее использование вертикально вкопанных камней близ курганов, как имитацию реально существовавших коновязей.

Также, как и под жилище, площадка, на которой сооружался курган планировалась: засыпались ямы, убились бугорки и камни, иногда осуществлялась выравнивающая подсыпка по всей площади обозначенного места. Несомненно, что делалась какая-то разметка для реализации сооружений. Внутри некоторых кольцевидных выкладок на уровне спланированного горизонта выкладывался «пол» или «дорожки» из мелких плиток.

Таким образом, при анализе погребальных сооружений курганного могильника Бийке, выявлено ряд элементов планировки и возведения жилищ, позволяющих частично восстановить некоторые стороны культуры населения, оставившего этот памятник.

Как правило, в центре исследованных погребальных конструкций находился каменный ящик для захоронения человека. Один раз встречена вырытая могильная яма с подбоем, где обнаружено погребение человека (к. 7), и дважды в яме находились захоронения лошади (к. 6, к. 17). Зафиксированный на этом могильнике биритуализм в сооружении погребальной камеры свойственен разным периодам древней истории и наблюдается во многих известных археологических культурах. На могильнике Бийке обнаружено погребение в подбое, закрытом большой плитой (курган 7). Сам факт наличия подобного погребения в Горном Алтае, датированного, по совокупности всех признаков раскопанного комплекса курганов могильника Бийке, раннескифским временем, большая редкость. Подобные захоронения немногочисленны и для скифской эпохи этого региона [200, с. 35–39]. По времени существования наиболее близки погребения женщин в подбое, найденные на могильниках Карбан I [91, с. 28–30] и Машенка I [92, с. 98–101]. Последние имеют очень много схожего между собой, но существенно отличаются от захоронения в кургане 7 могильника Бийке. Различия связаны, скорее всего, с причинами относитель-

но-хронологического характера. Это дает возможность предполагать то, что могила с подбоем на Бийке сооружена раньше, чем остальные известные нам в Горном Алтае погребальные камеры такой конструкции. Возможно, раскопанное погребение является действительно показателем каких-то брачных связей с другими племенами [200, с. 38–39]. Однако не исключена и попытка предохранить захоронение человека от осквернения. Возможно здесь имеет место отражение религиозных представлений древних людей относительно какой-то категории умерших.

Объяснить такую традицию погребального обряда как сооружение каменных ящиков на уровне древнего горизонта в раннескифскую эпоху Горного Алтая довольно сложно. Конкретно этим пока никто не занимался, поэтому сейчас мы только наметим возможные пути объяснения данного явления. Каменные погребальные камеры курганного могильника Бийке своеобразны, отличаются от подобных сооружений предыдущих и последующих эпох прежде всего конструкцией, формой, размерами, а также тем, что в них найдены захоронения не только людей, но и лошадей. Часто в каменном ящике исследователи видят идею создания челна (лодки), отправляющегося далеко вниз по реке в потусторонний мир. Данные представления могли возникнуть не только у рыбаков и охотников, но и у скотоводов, живших вблизи рек. Кроме этого, известен и ряд других интерпретаций подобных каменных гробниц: как выражение идеи чрева и возрождения, как ассоциации с яйцом, как символика загробного жилья [330, с. 504–526]. Можно предположить и другие объяснения сооружения каменных ящиков, например, как имитацию колыбели, погребальной повозки и т.д. Главным же остается то наблюдение, что древние люди, по-своему понимая место человека в цепи природных превращений, осознавали смерть как устранение, исчезновение из реальной жизни конкретного индивидуума, уходящего в другой, но похожий на существовавший, мир, где умерший мог реализовать свое дальнейшее существование. Поэтому каменные погребальные сооружения нужно, прежде всего, рассматривать как предоставление возможности перехода в иной мир, как символ обозначения границы потустороннего мира и прочности его основ. Таким образом, каменные ящики являются своеобразными воротами в хтонический (подземный) мир, закрывшимися после смерти человека. Если еще раз посмотреть на исследо-

ванные погребальные конструкции, то действительно видно, что вокруг погребенного все перекрыто, единственным незакрытым каменными плитами местом является земляное дно погребальной камеры, именно туда, по представлениям людей, воздвигших эти памятники, уходит человек. Таким образом погребальные конструкции отражают переход из одного состояния (жизнь на земле) в другое (жизнь в потустороннем мире). Но образ умершего родственника живет в памяти людей, является во сне, создает ложное ощущение присутствия его, вызывает беспокойство, определенные заботы, мысли и действия, выражающиеся в организации поминальных, культовых и ритуальных мероприятий.

Положение погребенных людей на курганном могильнике Бийке скорчено на боку, головой на запад являлось преимущественным. Довольно часто в древности покойных ориентировали в направлении течения реки, либо лицом к реке. В этом случае реализовывалась идея плавания в потусторонний мир. Если посмотреть с точки зрения этого, то нужно отметить, что западная ориентация погребенных на Бийке совпадает с направлением реки Катунь. Однако, у многих народов существовало и определенное понимание связи правой стороны с небесами, со светлым началом, а левой — с потусторонностью, с хтоническими силами [330, с. 61]. В таком случае погребение людей, лежащих на земляном дне погребальной камеры на левом боку, может иметь подобное объяснение. Ориентация умерших могла быть связана с какой-то родовой святыней, например, со священной скалой, а также может рассматриваться относительно поселения или стороны света, откуда пришли предки, подчиняться представлениям об «уплытии в сторону заката» [330, с. 71, 72]. Мы все же более склонны считать, что ориентация умерших людей в этот период времени базировалась на определении сторон горизонта по восходу и заходу солнца и отражает сезонность совершения процедуры погребения. Исследование этого является задачей отдельной публикации.

Одна лишь констатация ориентации погребенных не дает возможности для понимания смысла погребального обряда. Данное наблюдение необходимо интерпретировать в совокупности с положением покойников. Однако, в том случае, когда остатки тела человека отсутствуют или погребение разрушено, факт определения ориентации по направлению длинной линии оси погребальной камеры, является единственным показателем

при выявлении сравнительных характеристик. Ориентацию умерших людей на могильнике Бийке можно еще соотнести с захоронениями лошадей, которые всегда лежали головой в ту же сторону, что и человек.

Семантика обычая придавать скорченное положение умершим многообразна и различна. Остановимся на этом подробнее. Положение погребенных (поза) определяется археологами совокупностью описаний общего состояния тела, а также различных его частей относительно друг друга, дна и стенок погребальной камеры, сторон света. Это дает почву для возможного объяснения определенных представлений древних людей, а также является хронологическим и культурным показателем при сравнении погребальных комплексов. Поэтому важно зафиксировать, как можно точно и подробно описать общее положение и частей тела погребенного человека. Плохая сохранность костей в курганах раннескифского времени могильника Бийке и существенные разрушения не позволяют широко применить имеющийся материал по интерпретации скорченной позы умерших людей, т.к. многое в этом зависит от определенного положения рук, ног, головы. В каждом случае объяснения могут быть разными, а у нас иногда определение позы погребенного имеет общепредположительный характер. Исследователи, занимавшиеся семантикой скорченной позы, полагают, что она имитирует положение в материнской утробе, похожа на «скачущего всадника», отражает знаки поклонения кому-нибудь или чему-нибудь (адорация) [330, с. 50–70]. Не отвергается возможность реализации положения спящего, кто-то видит в этой позе и эротический смысл. Ю.А. Шилов считает, что скорченность, как результат следов свивания покойников веревками или пеленания в саван, можно трактовать не только как препятствие выходу из могилы, но и как знак воскрешения–пробуждения посредством преодоления «путь смерти» в сочетании с идеей могилы-жилища [330, с. 51–52].

Достаточно четко фиксируется поза похожая на «скачущего всадника» в кургане № 17, где женщина лежит скорчено на левом боку с руками вытянутыми вперед, как бы держащими повод управления лошадью. Возможно, что так же лежал умерший человек в кургане № 5. Ближе к позе адорации находились находились остальные погребенные. В кургане № 1 положение костей рук скелета и подложенные под голову каменные «подушки» наводят на мысль о придании покойнику позы спящего.

Особое место в погребальных сооружениях курганного могильника Бийке занимает оформление захоронения лошади и отдельных частей ее туши. Плохая сохранность костяков животных не позволяет в полном объеме зафиксировать многие нюансы обряда погребения коней в курганах раннескифского времени. Сам факт присутствия остатков этих животных в погребальных комплексах можно объяснять по-разному: как заупокойные дары, пища для покойника, остатки совместной родовой трапезы, снабжение необходимым средством передвижения, как личный верховой (боевой) конь, или как имитация лошади. Семантику зарождения культа такого животного, как лошадь, необходимо, на наш взгляд, связывать с определенным типом ведения хозяйства в ту эпоху, с обычаями, формирующимися в ходе жизнедеятельности скотоводов и с представлениями о том, что в загробном мире человек должен быть снабжен всем тем, что было у него в этом мире. Данная тема уже не раз рассматривалась рядом исследователей [230, с. 164–178; 34, с. 31–39; 270, с. 35–40 и др.]. Это достаточно большой вопрос и требует отдельного изучения. В этой статье мы ограничимся некоторыми наблюдениями, полученными в ходе исследования курганов могильника Бийке и анализа материалов, касающихся остатков лошадей. Как правило, в то время с погребением человека укладывалась одна лошадь, лишь в одном случае их обнаружено две (к. 10). Убитое животное помещали в отдельную погребальную камеру, которая представляла собой яму, иногда обложенную каменными блоками, или конструкцию (в виде кольца или ящичка), примыкавшую с восточной (юго-восточной, северо-восточной) или южной стороны к каменному ящичку с погребением человека. Имеются зафиксированные остатки лошади без четко выделенного сооружения, но на таком же месте, что остальные. Животные, как правило, располагались, так же как и человек, на уровне спланированного древнего горизонта, зафиксирована и подсыпка в погребальной камере, предназначенной для лошади. Как уже отмечалось, ориентированы животные в ту же сторону, что и человек. Возможно, именно в этом обозначена главная суть захоронения коня. Положения животных различаются: на правом боку с подогнутыми ногами, на левом боку с вытянутыми ногами и на животе с подогнутыми ногами. Вероятно, на могильнике Бийке имела место имитация целого животного в виде сделанного чучела из шкуры и костей

или наличие последних в могиле олицетворялось с идеей воскрешения коня в ином мире. Подобные факты в изучаемый нами периоды времени уже отмечались. Во всех захоронениях лошади на Бийке имеется нарушение черепа животного или отсутствие такой части скелета животного. Первое, вероятно, связано с традиционным способом забоя жертвенного животного, а второе можно трактовать как обозначение туши в виде заупокойной пищи. Возможно, что голова лошади использовалась для исполнения каких-то поминально-культовых обрядов, тем более, что уже имеется несколько фактов отдельного захоронения только этой одной части тела животного в VIII–VI вв. до н.э., иногда и с остатками узды [100, с. 90–93; 179, с. 321–331 и др.]. В Усть-Куюмском могильнике, где зафиксирован факт отчленения головы лошади, скорее всего, отражен способ забоя животного путем перерезания горла и дальнейшего отделения этой части тела в районе шеи [180, с. 13–16, рис. 2; 250]. Явно с целью положения заупокойной пищи в погребальных сооружениях к. 19 и к. 20 фиксируются части туши лошади. В итоге, на могильнике раннескифского времени Бийке нашло отражение наиболее раннее формирование различных вариантов погребального обряда «человека с конем», главным образом связанных с ведением такого типа хозяйства и образа жизни, когда лошадь являлась основной существования людей.

Анализ материалов погребальных комплексов курганов Бийке дает возможность характеризовать хозяйственную деятельность населения, оставившего исследуемый памятник. Несомненно, что основным занятием являлось скотоводство, предполагаемое подвижный образ жизни. В данном случае тип хозяйства можно определить как яйлажно-горнодолинный, характерный для районов Алтая, Тувы, Тянь-Шаня, Памира, основу которого составляло скотоводство, приспособленное к конкретным экологическим условиям гор и горных долин, основанное на сезонных перекочевках [184, с. 11–14]. Как свидетельствуют материалы раскопок, основным животным, разводимым населением той эпохи была лошадь, которая не только использовалась для употребления в пищу, но и являлась основным средством передвижения. Кроме того, кони были весьма практичны в разведении, т.к. им не надо было готовить на зиму корма, который они способны добывать из-под снега сами. По некоторым данным, полученным в ходе изучения

остеологических остатков лошадей из курганов Бийке, можно восстановить ряд черт этих животных. Лошади являлись типичными для степей Азии, относятся к группе «среднелобых» (по Цалкину) и средних по росту (по Витту). Зафиксирован разный возраст животных от 8–15 месяцев, 2,5–3,5 лет и старше. Немаловажным фактором является то, что лошади того времени имели длинную шею. Это позволяло животному свободно доставать подножный корм. Данный показатель является, вероятно, одним из случаев селекционного отбора. Лошадям с короткой шеей приходится при пастбы широко расставлять передние ноги. Со временем ноги приспособятся к такому неудобному положению, однако более загруженные внутренние боковые края копыт будут сильнее стираться, а внешние отрастать [220, с. 45]. Вследствие этого появляются предпосылки к браку животного и выводу его из эксплуатации. Часто именно брак лошади служил причиной забоя животного [59], что подтверждается остеологическими материалами могильника Бийке, где захороненные кони имели косолапость, сучение. Определенные индексы тонконогости позволяют говорить о конституции лошадей и об относительно возможном использовании животного под верх, либо как рабочее, тягловое. Так в кургане № 6 была захоронена молодая лошадь, которая имела хорошие показатели для использования ее как верховую, однако, вероятнее всего, вследствие неправильной эксплуатации, у нее наметились предпосылки к браку (косолапость). Если судить о половых различиях погребенных животных, то преобладают кони. Частое погребение именно особей мужского пола в курганах скотоводов связано с той причиной, что в процессе воспроизводства они играли не самую важную роль. Этот факт определяет также и участие людей в регулировке качественного состава стада. Кроме этого, повседневные наблюдения и работа с лошадьми определяла направления и сроки проводимой селекционной работы. На ранних этапах такие мероприятия носили необдуманный характер. Это подтверждает изучение костей коня из кургана раннескифской эпохи могильника Семисарт I [59, с. 249]. В данном случае, выключая особь мужского пола из участия в воспроизводстве стада путем кастрации в раннем возрасте, не было учтено или того не знали, что кастрация влияет на сроки прорезания зубов, затягивает их смену. В результате, проведенная операция повлияла на зубы, задержав тем самым их развитие, в то

время, когда произошел переход к питанию грубыми кормами, что повлекло появление опухолей (вздутый) на нижней челюсти, связанное с употреблением жестких трав в период прорезания и смены зубов, а затем к выбраковке и вынужденному забою. Позднее население скифской эпохи Горного Алтая проводило подобные мероприятия в соориентированные сроки. Поэтому у меринов, захороненных в «царских» курганах Пазырыка, подобные вздутия не отмечены [76, стр.22].

Кроме лошади, население, оставившее могильник Бийке, разводило овец. Этот факт косвенно подтверждается находками зубов такого животного в к. 17, а также тем, что овца может себе добывать корм в зимнее время года после тебеневки лошади и тем, что ткань, найденная в к. 7 произведена из стопроцентной овечьей шерсти, причем нити ткани состояли из пуховых волокон и волокон переходного волоса, что говорит о шерсти высокого качества. находка образца ткани является одним из наиболее древних текстильных изделий в Горном Алтае, дошедшим до современных исследователей. Это дает возможность предметно говорить о занятиях прядением и ткачеством. Ближайшая находка подобной вещи обнаружена в кургане раннескифской эпохи на могильнике Тыткескенъ VI. Анализ и этой ткани был проделан дважды. Получены аналогичные результаты, позволяющие предполагать существование определенных традиций и способов изготовления текстильных изделий из шерсти в данном регионе в раннескифское время. Единственной особенностью образца ткани из к. 7 Бийке является наличие следов красно-бордовой окраски.

Ткани, обнаруженные на территории Тувы в кургане раннескифской эпохи Аржан, были также подвергнуты анализу, в результате которого выделены четыре типа переплетения, отмечено отсутствие полотняного переплетения и использование ткацких станков, позволяющих вырабатывать материал большой плотности [222, с. 199–206].

Естественно, что население, жившее близ р. Бийке в раннескифское время, занималось охотой на различных диких животных и птиц. Судя по находкам из курганов, объектами этого промысла были благородный олень и лось. Не стоит исключать добычу и использование растительной пищи, а также ряд ремесел и занятий, связанных с обработкой камня и дерева. Первое находит место в выполнении монументальных сооружений погребальных комплексов, в изготовлении

украшений (бусы), второе — в предполагаемом строительстве жилищ, загонов и т.д., а также в изготовлении утвари. Найденные бронзовые изделия предполагают знакомство людей с цветной металлообработкой.

Разведение лошадей и овец, а также охота на диких животных, способствовало развитию различного домашнего производства, заключавшегося в приготовлении мясной и молочной пищи, выделке шкур, пошиве одежды, изготовлении кожаных емкостей и т.д. Особое место занимала стрижка овец. Для получения пряжи высокого качества это мероприятие необходимо было проводить в мае-июне [56, с. 90]. Шерсть по тонине волокон не однородна. Она состоит из подшерстка или пуха и из волос. Пух представляет собой тонкие, густо растущие, извитые волокна, которые скрыты под волосом, т.е. являются внутренним слоем. Волос же состоит из более длинных, более грубых и крепких волокон, имеет несколько разновидностей: переходный волос, ость тонкая, ость грубая и мертвый волос [190, с. 114–115]. Для плотного переплетения, вероятно, использовали примитивные ткацкие приспособления. При получении нитей пряжи вращение веретена во время прядения осуществлялось вправо (правая крутка) правой рукой [88, с. 102].

При исследовании курганов Бийке не зафиксировано точных оснований, позволяющих подробно остановиться на производстве керамической посуды. Возможно, что данный вид посуды не был преобладающим и использовался лишь для выполнения специальных домашних занятий. В основном, вероятно, изготавливали емкости из кожи, дерева, металла, что характерно для населения, ведущего подвижный образ жизни. Вся найденная керамика на Бийке найдена не в погребальной камере, а при зачистке и разборке каменной насыпи. Возможно, она была выброшена из каменного ящика при ограблении или осквернении погребения, не исключено, что керамика попала туда после совершения определенных ритуально-поминальных действий или данные вещи оставлены населением, проживающим позднее. Данный вопрос разрешится при детальных исследованиях полученного керамического комплекса в сравнении с находками, которые, возможно, будут обнаружены в неогрбленных погребениях и на исследованных поселениях интересующей нас эпохи. В этом плане могут наметиться какие-то группы керамики, характерные для поселений и для погребений. Примером этого могут стать находки с поселения

Сары-Бел, которое находится высоко в горах близ р. Тьткескен [137] и где зафиксирована керамика, аналогии которой можно найти в памятниках поздней бронзы и переходного времени лесостепных районов края.

Попытка проанализировать и связать керамику, найденную в насыпях курганов раннескифского времени Горного Алтая, с аналогичными другими находками уже предпринималась [182, с. 62–66], а при накоплении такого материала возможно дальнейшее продолжение этой работы.

Найденный в курганах могильника Бийке комплекс вещей немногочисленный. Самой замечательной находкой является хорошо сохранившийся массивный нож из кургана № 2. Данное изделие было отлито в двусторонней форме, о чем свидетельствуют следы литейного шва на ручке, закраине и обухе. Длина ножа — 18,5 см (из них 7,4 см — длина ручки), наибольшая ширина клинка — 1,9 см, ширина ручки в центре — 1,5 см, толщина ее — от 3 до 4,5 мм, наибольшая толщина обуха 5,5 мм. Навершие ножа оформлено в виде односторонней брусковидной закраины, длина которой 2 см, толщина 1 см, высота выступающей части 0,5–0,6 см. Ручка плоская, трапецевидная в разрезе, выделена. Лезвие, которое шире ручки и отделено уступчиком, оформлено с двух сторон, причем с одной стороны оригинально — в виде выемки, желобка шириной до 6,5 мм. Нож был остро заточен. Острие имеет выделяющуюся с одной стороны правку. Общая форма ножа изогнутая, дугообразная. Ближайшей находкой бронзового ножа несколько схожего с бийкенским, является изделие, найденное в Усть-Куюме и датированное VII–VI вв. до н.э. [180, с. 21, рис. 4]. Наибольшее сходство (по общей форме, навершию, месту соединения ручки и клинка) наблюдается с ножом из могильника БЕ XIV, датированным также VII–VI вв. до н.э. [79, с. 71, табл. XXI–19]. Подобные по форме ножи более характерны для древних культур, расположенных к востоку от Горного Алтая и существовали с конца эпохи поздней бронзы [312, табл. 72,86; 310; 302 и др.]. Западная граница бытования таких предметов — Восточный Казахстан [257, с. 142,145, табл. 56], датируются они там в пределах VIII (возможно IX) — нач. VI вв. до н.э. Для определения датировки бийкенского ножа нужно исходить не только из сходства общей формы ножей, имеющих архаичную изогнутость, а также из всего комплекса погребальных сооружений, среди которых курган № 2, где обнаружена наша вещь, является одним из наиболее ранних. Поэтому

стоит определить время изготовления и использования этой вещи из Бийке в рамках VIII (возможно IX) — VII вв. до н.э. Эта дата несколько не противоречит времени существования позднекарасукских и «карасук-тагарских» форм бронзовых ножей. Необходимо отметить своеобразие бийкенского ножа в оформлении навершия, ручки, лезвия, а также его уникальность, потому что, вероятнее всего, такая вещь была сделана специально для левши. Последнее особенно отражено в определенной заточке, позволяющей удобнее строгать от себя, резать и проводить другие операции левой рукой. Можно предположить и то, что сделанная на лезвии ножа выемка (желобок) служила кровостоком при нанесении удара в тело животного или противника. Это косвенно подтверждает и оформление острия изделия, позволяющее быстро проникать этому орудия в тело жертвы. Еще одним аргументом в пользу того, что нож сделан для левши, может быть наличие односторонней закраины на конце ручки, позволяющей именно при работе левой рукой играть роль уступа и опоры. Возможно также эффективное использование такого ножа при изготовлении любого вида изделий из дерева, рога и кости.

Достаточно хорошо датирующей находкой является псалий из кургана № 6, который имеет изогнутую, дуговидную форму, три круглых отверстия, находящиеся в одной плоскости и равномерно распределенные по всей длине изделия. Окончания псалия обрезаны перпендикулярно телу рога, слегка закруглены, имеют тупую форму. Псалии являлись одним из главных элементов узды, т.к. не только удерживали удила во рту лошади, но и определяли систему расположения ремней на голове животного. В настоящее время трехдырчатых псалиев, сделанных из рога, нам известно в Горном Алтае около десятка [91; 174; 180; 226; 248 и др.]. Имеются подобные вещи из бронзы [7; 77; 91; 209 и др.]. Ближайшей аналогией нашему изделию по форме и расположению отверстий являются псалии из курганного могильника Элекмонар II [см. статью Н.Ф. Степановой в настоящем сборнике], которые были найдены с бронзовыми удилами. Однако бийкенский псалий более крупный и массивный. Это сближает его с изделием из курганного могильника Карбан I [91]. По дуговидной форме и расположению отверстий нашему псалию близка такая же вещь с городища Елбаны [267]. Количество найденных трехдырчатых псалиев на Алтае позволяет провести более детальный анализ для разработ-

ки типологии подобных изделий. Главной трудностью при выполнении такой работы будет то, что каждое изделие достаточно своеобразно. Серийного производства псалиев одного и того же вида на Алтае пока не зафиксировано. Однако возможно в результате выявить определенные тенденции развития такого типа изделий. Это даст не только представление о разнообразии вариантов изготовления подобных предметов, но отразит поиск различных оптимальных форм, размеров, материалов и т.д., что подтверждают исследования Н.А. Боковенко [39]. Касаясь датировки таких вещей, как трехдырчатые псалии, сделанные из рога, нужно отметить, что они начинают существовать в подобном оформленном виде с эпохи поздней бронзы и наиболее широко использовались в переходное от бронзы к железу времени и в раннескифскую эпоху [267]. Если исходить из исследований Н.А. Боковенко, который отмечает тенденцию смещения отверстий псалиев к центру как признак относительно поздний [39, с. 17–18], то наиболее вероятная дата бийкенскому псалию является VIII–VII вв. до н.э. находка же элекмонарских изделий, несколько меньших по форме и с бронзовыми удилами, может отражать относительно более позднее изготовление и использование, чем псалий из Бийке. Кроме псалия, при лошади из кургана 6 находились и другие предметы, среди которых на себя обращает внимание добавочная фаланга лошади с отверстием посередине. Такие две вещи обнаружены в кургане № 5 могильника Карбан I и определяются они, как подвески [91, с. 29, рис. 4–10, 11]. Еще известны подобные изделия в курганах раннескифского времени Алтая [92 и др.]. По месту нахождения подвески в к. 6 на Бийке можно предположить, что она привязывалась к хвосту лошади и играла, вероятно, роль оберега. Однако не исключено и другое (функциональное) назначение этой вещи. Использование таких предметов в других регионах нам неизвестно. По-видимому, традиция применения добавочных фаланг лошади в снаряжении коня является особенностью раннескифской культуры Горного Алтая.

Что касается бронзовых удил с стремечковидными окончаниями из кургана 17 и бронзового зеркала из того же погребения, то их датировка не вызывает больших сомнений и определяется датой не позднее VII–VI вв. до н.э. по кругу аналогий таких предметов из Горного Алтая и сопредельных территорий [9; 72; 226; 256; 257 и др.]. Кроме того, курган 17 отличается по деталям конструкции от других соору-

жений и отражает уровень развития погребального обряда населения, проживающего на Бийке несколько позднее. Примерно в то же время, что и курган 17, сооружен находящийся поблизости объект № 19, датируемый находкой бронзового зеркала, диаметр которого немного меньше по сравнению с подобным изделием из рассмотренного выше погребения. Подобных бронзовых зеркал с петелькой посередине обратной стороны диска на Алтае найдено совсем немного. Ближе всего такая вещь обнаружена выше по течению р. Катуня на курганном могильнике Бойтыгем II [9, с. 37–38, рис. 3]. Начало бытования рассматриваемых предметов относят к VIII в. до н.э., наиболее широко они использовались в VII–VI вв. до н.э. характерны для тагарской культуры [257], найдены в Туве [72], в Приобье [79], в Китае [145 и др.] и в северо-западных предгорьях Алтая. Отмечается тенденция уменьшения диаметра и толщина таких бронзовых зеркал к V–IV вв. до н.э. [257, с. 216].

Курган № 15, в котором найдены только бусы, можно датировать VII–VI вв. до н.э. по аналогии с ближайшей такой находкой этого времени из Усть-Куюма [180, с. 19–21, рис. 4].

Что касается кургана 7 с погребением в подбье, где найдено ожерелье и бронзовая серьга, то датировать его можно в рамках VIII–VII вв. до н.э. Распространение такого сочетания бусин из различных камней и форма бронзовой серьги больше характерны для культур этого времени, находящихся ближе к среднеазиатскому региону. В Горном Алтае же подобное ожерелье найдено в к. 5 могильника Карбан I, датируемого VII в. до н.э. [91] и отмечено его «киноземное происхождение». Интересно, что своеобразный способ проделывания отверстий в некоторых бусинах из сердолика из карбанского кургана, обнаруживается и в изделиях погребения на Бийке. Это заключается в том, что в качестве заготовки брался минерал с инородным вкраплением, которое несложно было устранить и получить отверстие для нанизывания бусин. Кроме этого способа проделывания дырочек, в кургане № 7 Бийке зафиксирован и другой, когда коническое сверление такого материала повышенной твердости, как сердолик, проводилось с двух сторон. Первый и второй тип бусин отличались не только способом получения отверстий, но и формой, размерами, а, главное, и цветом. Возможно, что находка «импортного» ожерелья подтверждает наличие захоронения представительницы другого племени, попавшей на Алтай в результате заключения брачного союза.

И наконец, подводя итоги нашему изучению материалов, полученных при раскопках курганного могильника Бийке в Горном Алтае, все же отметим то, что более детальное исследование конкретных категорий вещей и особенностей погребального обряда будут продолжены и найдут отражение в следующих публикациях.

За последнее десятилетие со времени защиты диссертации Л.С. Марсадоловым [181], выхода статьи В.А. Могильникова [192] и тезисов Н.Ф. Степановой [251], в которых решались культурно-хронологические проблемы определения известных к тому времени памятников VIII–VI вв. до н.э., в Горном Алтае проведены широкомасштабные раскопки и получены материалы, позволяющие выйти на новый уровень осмысления имеющихся научных данных [265, с. 126]. Обобщение исследованных уже в достаточном количестве курганов (более 200) раннескифского времени Горного Алтая еще предстоит сделать. Публикации единичных погребений интересующего нас времени не могут поднять в полном объеме все вопросы археологического изучения древней культуры. Ожидание же выхода статей с полноценным анализом погребальных сооружений и небольшого численным вещевым комплексом может затянуться на долгие годы. Поэтому на основе материалов курганного могильника Бийке и других известных нам памятников (IX) VIII–VI вв. до н.э. Горного Алтая попытаемся наметить основные пути культурно-хронологического определения места этим погребениям в сравнении с другими захоронениями только позднего времени, потому что эпоха бронзы менее всего изучена в этом огромном регионе.

Сейчас совершенно ясно, что те исследователи, которые предлагали рассматривать памятники так называемого раннескифского времени Горного Алтая в рамках отдельной археологической культуры, были правы. Изучение погребальных сооружений, комплекса вещей этого периода и других данных подтверждают высказанные ранее предположения и обоснования. Однако в связи с этим нужно поставить вопрос об изменении наименования этой культуры, т.к. использование в научном обороте существующего термина от названия р. Майэмир, близ которой были непрофессионально (траншеей и колодцем) раскопаны краеведом-любителем А.В. Адриановым в 1911 году два разграбленных кургана и одна кольцеобразная выкладка, где найден клад вещей, не связанный с исследованным сооружением, на наш взгляд, не отражает сущность и правильность понимания всего со-

держания изучаемых памятников Горного Алтая (IX) VIII–VI вв. до н.э. Кроме того, в нынешнее время не подтверждаются схематично отмеченные В.А. Могильниковым признаки выделенных локальных вариантов той самой культуры, хотя, в принципе, такое относительное разграничение археологических памятников вполне возможно. Но более правильно, логично и удобнее было бы вначале выделить в массе исследованных к этому времени курганов типы памятников на основе определенного комплекса признаков, среди которых ведущее место будет отведено характеристике конструкций погребальных сооружений. Такой подход позволит также отразить сходства и отличия в обрядовости ряда территориально-локальных или семейно-родственных групп населения того времени, проживающего в отдельных районах обширного региона, и выйти на более высокий культурно-хронологический уровень интерпретации исследованных памятников.

Таким образом, каждый тип памятников одной археологической культуры или локального варианта будет отражать результаты хронологического рассмотрения и обобщения сходных признаков погребальных сооружений и остального комплекса данных, а также выявление отличий его от других типов.

В принципе, начало выделения типов памятников VIII–VII вв. до н.э. Горного Алтая

было положено Л.С. Марсадоловым, который определил их по ряду характерных признаков условно так: «скорченники» и «вытянутые» [181, с. 11–12]. Затем последовало выделение куюмского типа памятников [251, с. 79–81]. Кроме этого, В.А. Кочев в 1992 году высказал возможность деления погребений в каменных ящиках раннескифского времени Средней Катунь на две группы: 1 — погребения в ящике с сопроводительными захоронениями коней, 2 — погребения в ящиках без коней. Намечены тенденции подобного разграничения памятников и у других исследователей. Поэтому проведение такой предложенной работы по упорядочению полученных археологических материалов и наблюдений в типы памятников уже назрело, к тому же это даст возможность для характеристики всей культуры населения, оставившего определенные виды погребальных сооружений. В этой связи рассмотренный в статье бийкенский тип погребальных сооружений (IX) VIII–VII вв. до н.э. является одним из опытов обозначенного подхода.

В заключении стоит отметить, что для обсуждения ряда поставленных вопросов культурно-хронологического определения имеющихся памятников IX–VI вв. до н.э. Горного Алтая необходим обмен мнениями, согласованный со всеми заинтересованными в этом коллегами.

Н.Ф. Степанова

Погребения в каменных ящиках и их датировка*

До середины 70-х гг. Горный Алтай оставался мало изученным в археологическом отношении. К VIII–VII вв. до н.э. можно было отнести лишь отдельные погребения да случайные находки [77]. К настоящему времени ситуация изменилась: открыты новые памятники, некоторые из них раскопаны. К сожалению, нередко погребения безинвентарны и датировать их можно только по погребаль-

ному обряду. Прежде всего, это касается погребений в каменных ящиках. Иногда, даже в тех случаях, когда в них обнаружен инвентарь, у исследователей нет единого мнения по поводу датировки, как, в частности, по некоторым погребениям из Усть-Куюмского могильника [33; 180; 251; 152, с. 4–5]. В связи с этим особенно актуальной становится необходимость публикации материалов па-

* статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект N96-01-16228

мятников, в которых был найден датирующий материал.

Исследования на могильнике Элекманар 2 производились из-за расширения автодороги Усть-Сема-Еланда, ведущей к планируемой Катунской ГЭС [252, с. 202-203; 10, с. 205]. Памятник находится на высоком правом берегу р. Катунь, в 1,0–1,3 км по дороге от устья р. Куюм и Усть-Куюмского могильника в с. Элекманар Чемальского района, напротив лесопилки и пилорамы.

Курганы расположены цепочкой, ориентированной с СЗ на ЮВ, вытянутой на 235 м, территориально разделяются на две группы: первая — курганы 1–13, вторая — 14–16 (рис. 1). Все сооружения хорошо задернованы. Заметно возвышались над современной дневной поверхностью только три объекта. Курган 1 уже был наполовину уничтожен Чемальским трактом. Объекты 14–16 выявлены после того, как в результате дорожных работ с них был снят дерн и частично повреждены насыпи. Из 17 зафиксированных сооружений раскопано 14, но не исключено, что, используя методику сплошного раскопа, можно выявить еще ряд курганов. В древности, вероятно, вся территория от устья р. Куюм до современного с. Элекманар представляла собой сплошное могильное поле [253, с. 94].

Курган 1 (рис. 1). Находится приблизительно в 1,3 км к ЮВ от устья р. Куюм, напротив лесопилки, у своротка с Чемальского тракта к последней. Дорогой уничтожено около половины кургана. Максимальные размеры сохранившейся части — 15,2×8 м, высота над дневной поверхностью 0,4–0,45 м, над дорогой — 0,8 м.

При снятии дерна в насыпи обнаружены кости животных: зубы, обломки трубчатых, ребра, а также фрагменты неорнаментированной керамики, в т.ч. придонной части плоскодонного сосуда. У дороги, к ЮВ от центра кургана, прослежена западина длиной около 3,5 м, глубиной почти до уровня современной дороги.

Насыпь сложена из окатанного и рваного камня, плит. С ЮВ имеет четкую границу и оконтурена плитками. СЗ край кургана неровный — рваный. Насыпь делится на две части: западную (более мощную) и восточную. Восточная имела форму полукольца диаметром около 10,5 м, отделена на З и СЗ горизонтально лежащими и четырьмя вертикально поставленными плитами высотой 70–80 см. Западная часть пристроена к восточной. По краю насыпи камни уложены на темную гумусированную супесь в один слой,

в центральной части — 3–4, мощность слоя достигала 60–80 см. В полукольце, с 3,5 м от ЮВ края, плиты и камни уложены на песке с мелким галечником, который частично прослеживался и между слоями плит. Наибольшая мощность песка с мелким галечником — у вертикально поставленных плит, за которыми, в СЗ части кургана, вместо песка с мелким галечником, слой более крупного галечника, мощностью 10–50 см. Под насыпью, в центре сооружения, обнаружены остатки обугленного дерева.

В 6 м от ЮВ края насыпи, у дороги, на глубине 0,75–0,85 м прослежено овальное пятно черной пережженной земли мощностью около 5 см, размерами 1,2×0,7 м. В нем скопление мелких жженных обломков костей (около 90) и угольков. Около десятка необожженных обломков костей находились за пределами пятна, но рядом с ним. Большинство обломков неопределимы, некоторые фрагменты трубчатых, вероятнее всего, принадлежали человеку. В СЗ части скопления, под плитами, найден бронзовый нож (рис. 6–1). Судя по сохранившимся плитам, можно предположить, что захоронение человека, совершенное в каменном ящике, разрушено при прокладке дороги.

Захоронение лошади обнаружено на глубине 1,1 м, к ЮВ от скопления жженных костей. Кости ног лошади частично располагались под дорогой. Могильное пятно не прослеживалось, но костяк лошади частично оконтурен камнями, а также завален ими сверху и присыпан супесью. Сохранность костей очень плохая, череп раздавлен. Лошадь уложена на левом боку, позвоночник сильно изогнут, ноги подогнуты. Головой ориентирована на СЗ (рис. 2–IV). Во рту находились бронзовые стремечковидные удила с переломленным пополам трехдырчатым псалием (рис. 3–3), второй псалий располагался вдоль затылочной части черепа. На ребрах, у позвоночника, найдены две бронзовые трочные пряжки (рис. 3–9,10). Под камнем между черепом и грудью — бронзовая подвеска (рис. 3–6). Три полусферические бляшки найдены между камнем и ребрами (рис. 3–4,5,7,8), одна обойма — у позвоночника, четыре — у черепа, одна — под черепом (рис. 3–11–16).

Погребение лошади совершено в культурном слое поселения эпохи камня (рис. 1) [170].

Курган 2 (рис. 2). Находится в 0,5 км к З от кургана 1. Наибольшие размеры с З на В и С на Ю — 9,4×4,8 м. В центре — овальное сооружение размерами 4,6×3,9 м (З–В и С–Ю). С юга оно оконтурено окатанными

камнями, с З и В — длинными вертикально поставленными плитами, на С четкой границы не было. С СВ и СЗ сторон к «кольцу» примыкают кладки. СВ кладка размерами с СВ на ЮЗ и СЗ на ЮВ — 2,6×3,0 м. Плиты наклонены к СЗ. Валунов немного. Каждая последующая плита перекрывала предыдущую приблизительно на 3/4. СЗ кладка размерами с СЗ на ЮВ и СВ на ЮВ — 3,2×3,2 м. Сложена, в основном, из валунов. Среди камней насыпи найдены фрагменты керамики. Ящик расположен в центре основного сооружения, перекрыт дерном не более чем на 5 см.

По краям кургана камни уложены в один слой, ближе к центру — в два. Второй слой камней находился от СВ стенки ящика (рис. 2—III). Между слоями плит прослежена прослойка из мелкого галечника. С В это сооружение ограничено невысокими (25–35 см) вертикально или наклонно стоящими плитами. Мощность насыпи — 10–40 см. В целом она сооружена на темной гумусированной супеси.

Ящик подпрямоугольной формы размерами по дну (между плитами) — 86×55 см (рис. 2—II). Ориентирован с ЗСЗ на ВЮВ. ЮВ стенка состоит из двух плит, подпираемых валунами, СВ стенка укреплена наклонно стоящей плитой, ЮЗ и СВ — в основании также укреплены камнями. Плиты (их высота — 45, 53, 60 см) слегка наклонены вовнутрь. Ящик заполнен камнями, с 20–25 см до 30–35 см — галечником, ниже — мягкой черной землей. На глубине 30 см у западной стенки найден бронзовый нож (рис. 6–3). Кости человека находились с глубины 25–35 см. Сохранились частично только кости ног, лежащие в анатомическом порядке, и молочные зубы верхней и нижней челюстей. По ним можно определить, что череп смещен с первоначального местоположения. Возможно, погребенный был уложен на левый бок (скорченно), головой на СЗ.

Курган 3 (рис. 4—I,II). Находится в 2 м к ССЗ от кургана 2. В насыпи найдены фрагменты неорнаментированной керамики. Курган овальной формы, вытянут с СЗ на ЮВ, размерами с СЗ на ЮВ — 10 м, ЮЗ–СВ — 8,4 м, С–Ю — 9,2 м. В центре — западина размерами 3,8×2,8 м, глубиной до 0,25–0,3 м.

Сложен из плит, рваного камня и валунов. Наибольшее количество крупных камней сосредоточено в западном секторе. Часть плит в восточном секторе по краю насыпи образовывали полуокружность. По краям насыпи находились крупные плиты и валуны размерами до 1,2×0,6×0,1 (0,15) м. Насыпь в целом со-

стояла из супеси со щебнем, плиток и гальки, крупных плит. Наибольшей мощности (40–50 см) достигала у краев западины. Западина заполнена щебнем и галькой, только по верху выложена крупными плитами и плоскими камнями в один слой.

Ящик расположен в южной части западины, с глубины 0,4–0,5 м, и смещен к ЮВ от центра кургана. Сверху перекрыт плитами и камнями, под которыми черная земля. Ориентирован с СЗ на ЮВ. Пятиугольный, размерами по дну 1,0×0,4 м. Плиты высотой 50–60 см, отклонены наружу (рис. 4–1,2).

Погребение совершено на глубине 0,85 м в слое мешаной земли. Кости человека очень плохой сохранности. Сохранились обломки костей ног, кость руки (?) и череп без нижней челюсти. Череп найден у северного угла ящика, под ним — фаланга. В восточном углу, у ноги, найден бронзовый нож (рис. 6–2), под ним — обломок костяного наконечника стрелы очень плохой сохранности. Вероятно, умерший был ориентирован головой на З.

Курганы 11 и 12 находятся к СЗ и З от кургана 3. Хорошо задернованы, размерами более 4–4,5 и 3×2 м, высотой 0,1–0,15 м. Не раскопаны.

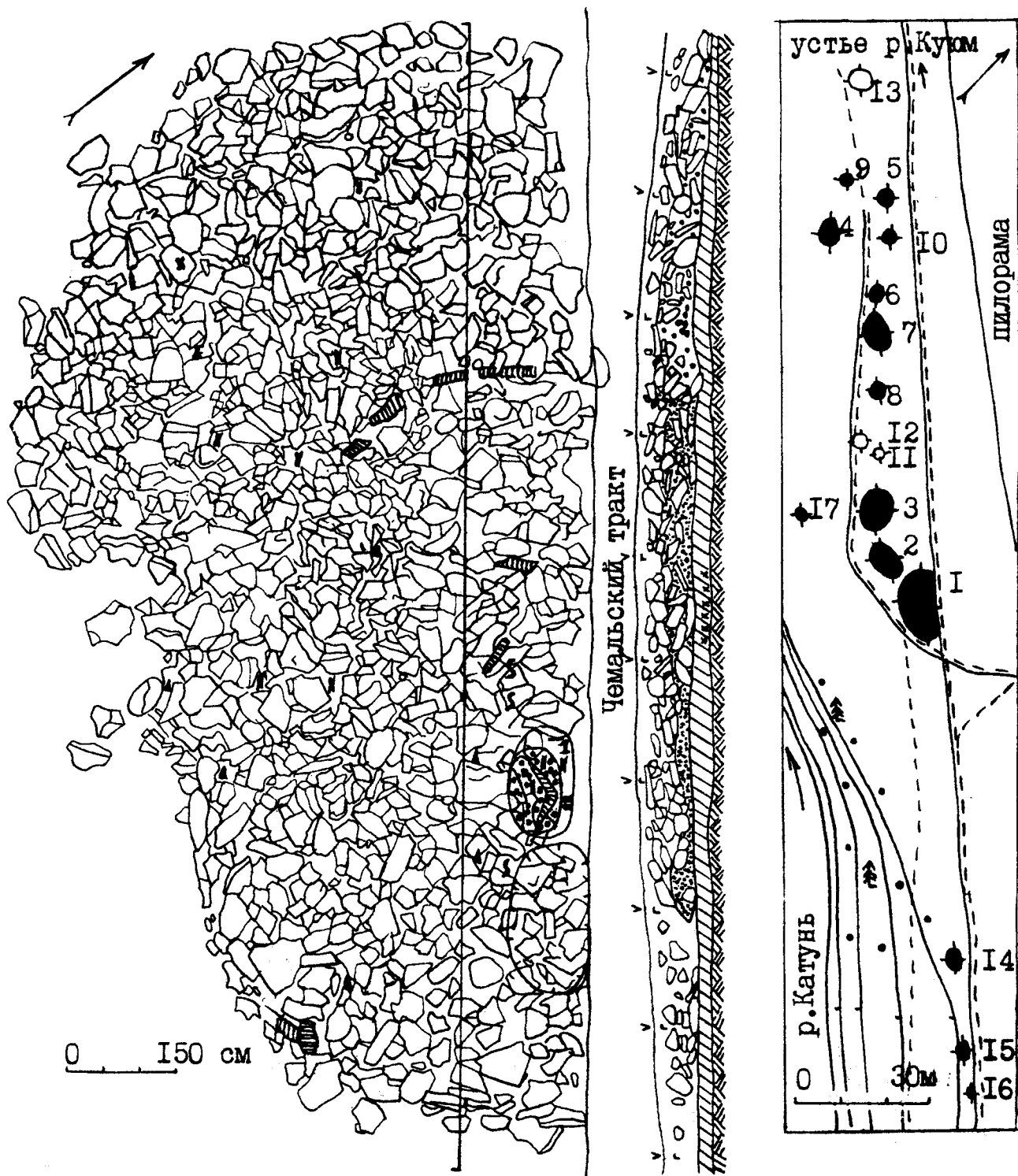
Объект 8. Находится в 19 м к СЗ от кургана 3. Вытянут с СЗ на ЮВ, размерами 5×3 м. Сложен из плит, валунов и рваных камней. В южной части выделяется кольцо диаметром 2,5–3 м. Внутри него камней нет. В кольце найдены кости животных и фрагменты керамики. Насыпь состоит из камней, уложенных преимущественно в один слой на темную супесь, как и в предыдущих случаях.

Курган 7 (рис. 5—II,III). Находится в 30 м к СЗ от кургана 3 и в 5,5 м к СЗ от объекта 8. Насыпь вытянута с ЗСЗ на ВЮВ, размерами 9,4×7,0 м. Сложена из плит, валунов и рваных камней. С южной стороны насыпи выделяются две плиты: одна — параллельно насыпи, размерами 1,0×0,44×0,15–0,2 м, вторая ориентирована с С на Ю, перпендикулярна насыпи, размерами 1,6×0,64×0,15–0,2 м.

Курган состоит из двух частей: кольца диаметром около 5,8 м, в центре которого находился ящик, и пристройки к кольцу на СЗ диаметром около 3,4 м. ЮВ часть насыпи более мощная чем СЗ несмотря на то, что в западном секторе плиты более крупные. Края кургана неровные, рваные.

Насыпь составляли два-три слоя плит, между которыми прослеживался слой галечника и щебня. Мощность насыпи 5–40 см.

Ящик сооружен из четырех вертикально поставленных плит, которые незначительно на-

- - гумус
- - супесь
- - мешаная земля
- - мелкий галечник с песком
- - крупный галечник
- - материк
- - вертикально поставл. плита
- - погребение лошади

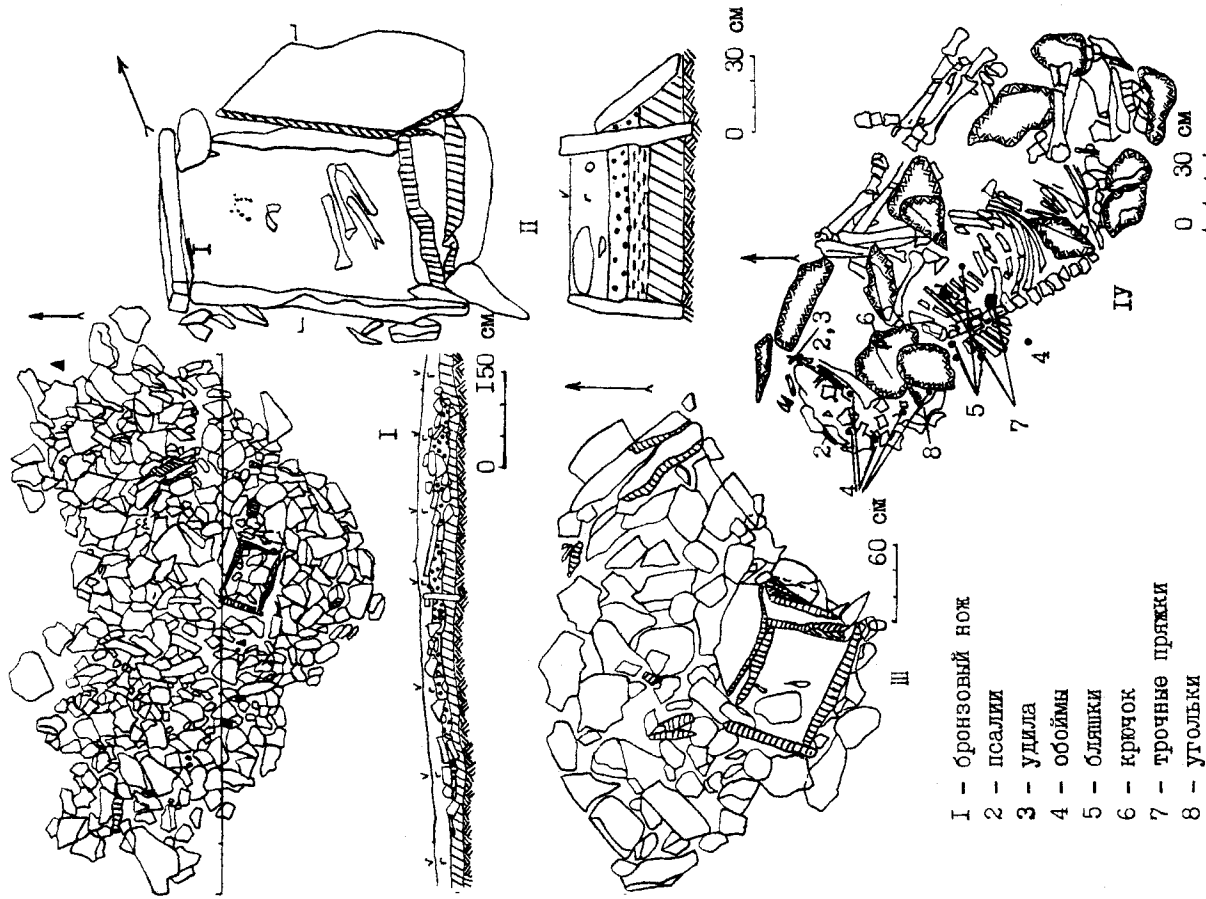
- - раскопанный курган
- - нераскопанный курган
- - бронзовый нож
- - фрагмент керамики
- - кость животного
- - изделие из камня
- - уголь
- - дерево

Рис. I. Могильник Элекманар-2. Курган I.

- I - бронзовый нож
- 2 - псалми
- 3 - удила
- 4 - обоймы
- 5 - блшки
- 6 - кречок
- 7 - трочные пряжки
- 8 - угольки

Рис.2. Могилиник Элекманар-2. I-III - курган 2; IV - курган I.

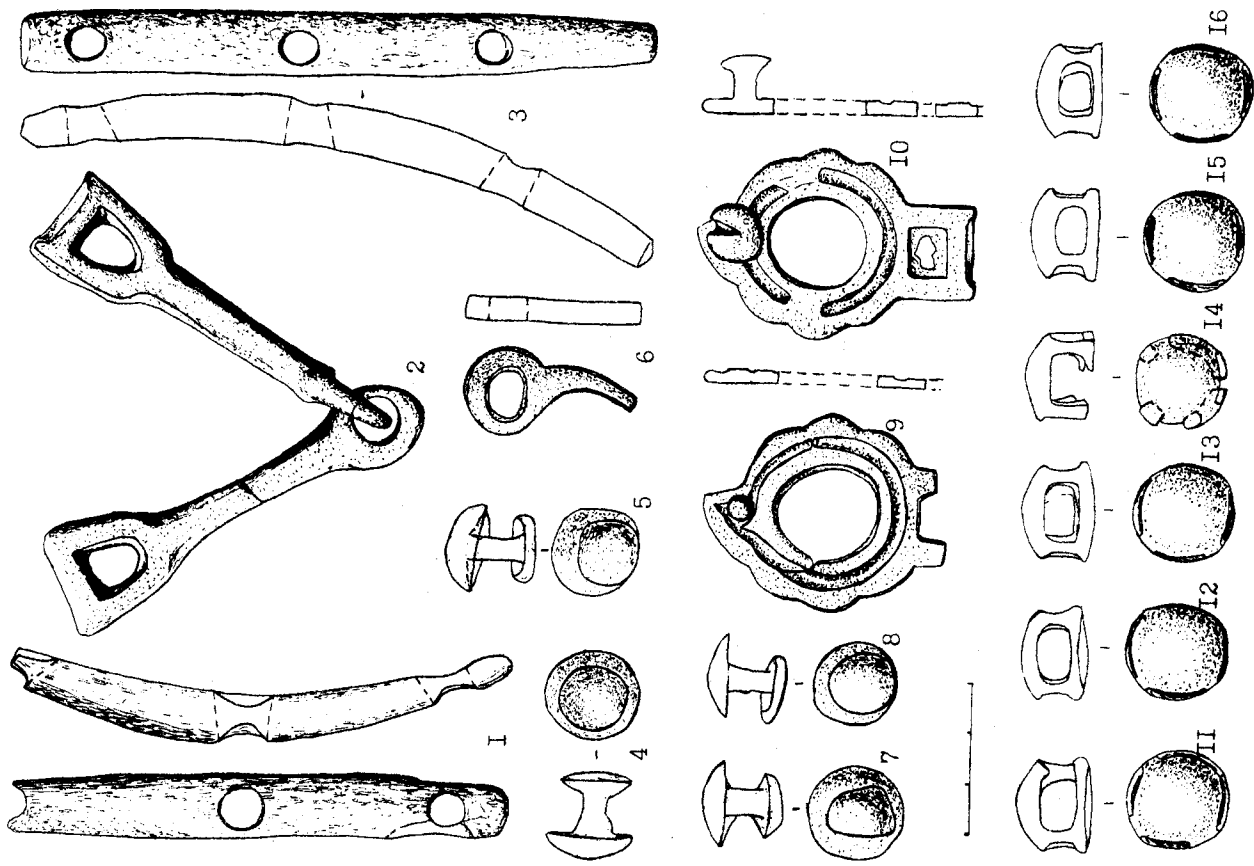
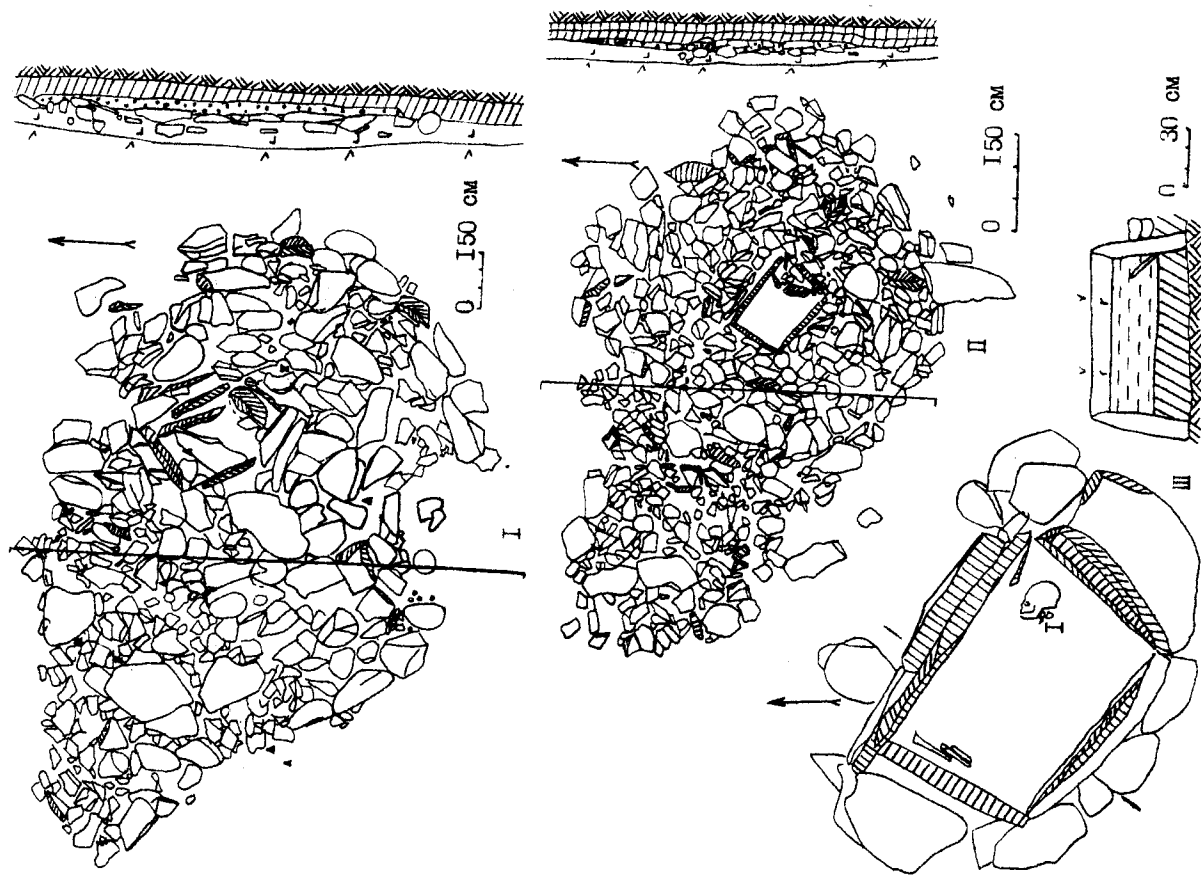
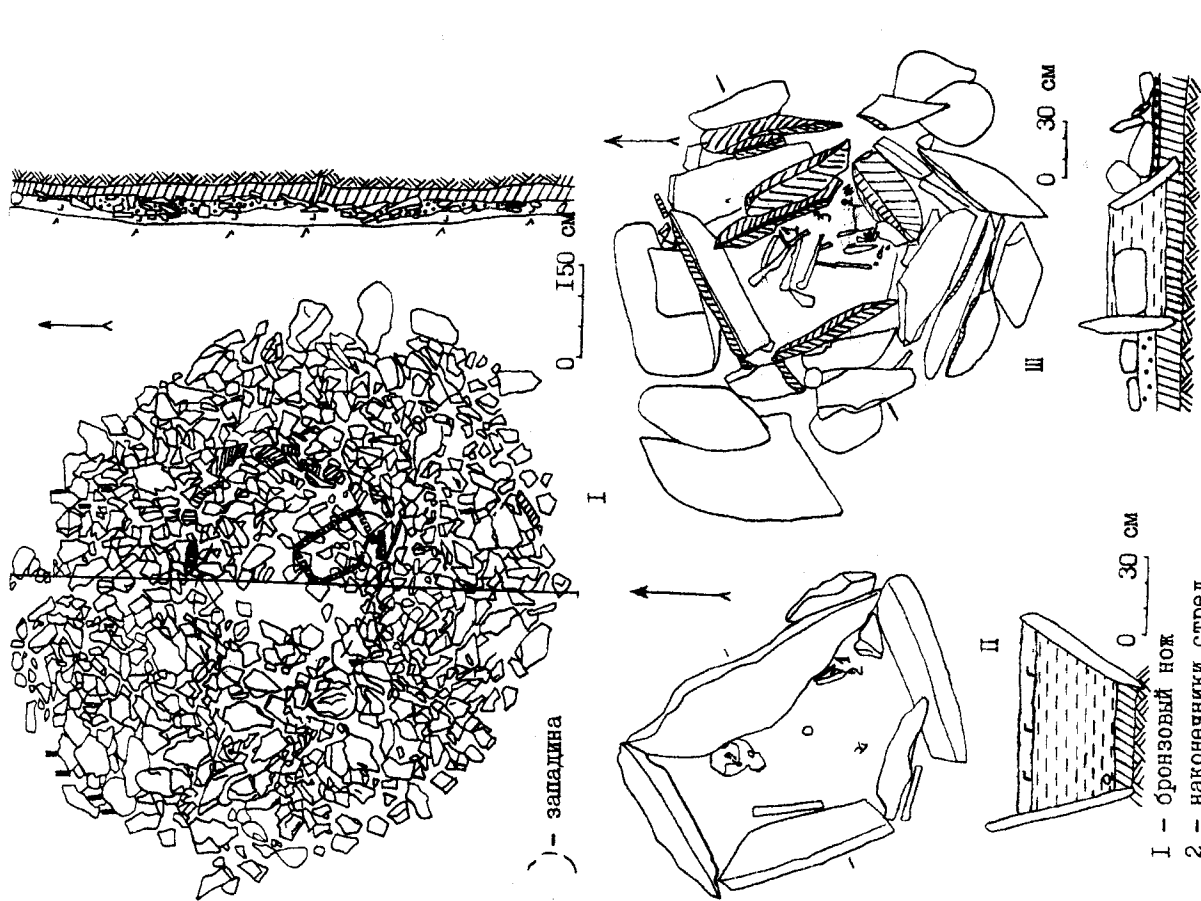

Рис.3. Могилиник Элекманар-2. Инвентарь из кургана I. 1,3 - кость, 2,4-16 - бронза.

I - подвески

Рис.5. Могильник Элекманар-2. I - курган 4; 2,3 - курган 7.

I - бронзовый нож
II - наконечники стрел
III - бронзовая обшивка

IV - щебень с остатками плиток

Рис.4. Могильник Элекманар-2. I, II - курган 3; III - курган 4.

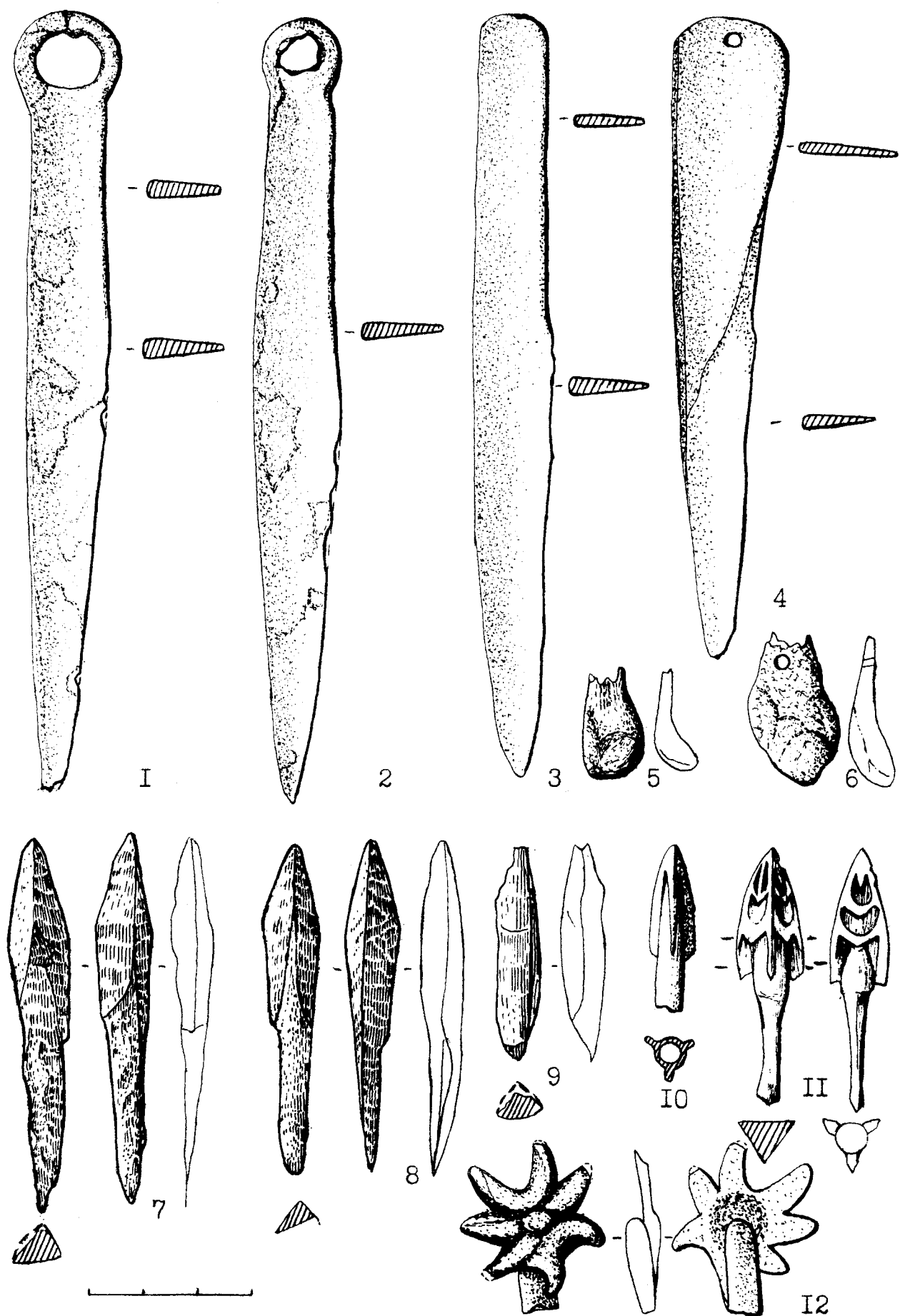
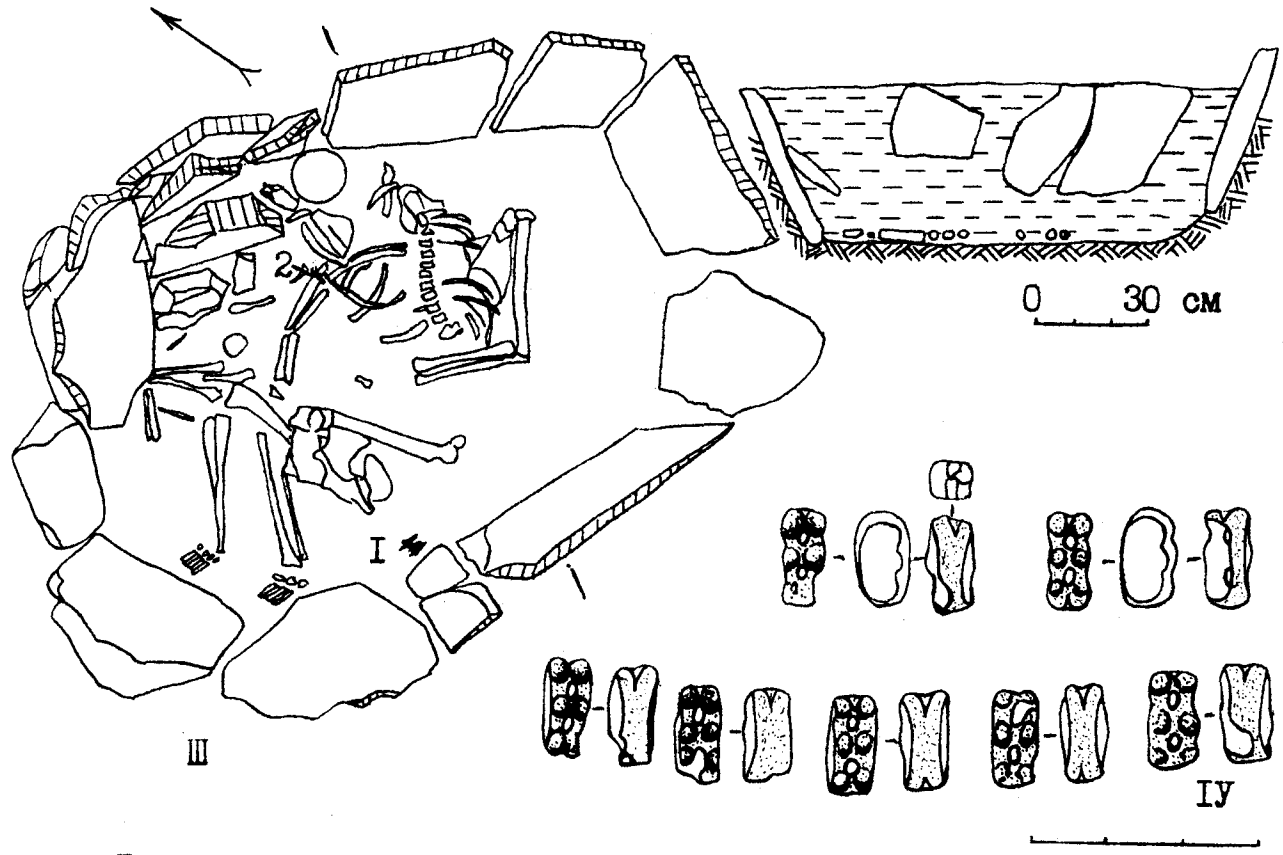
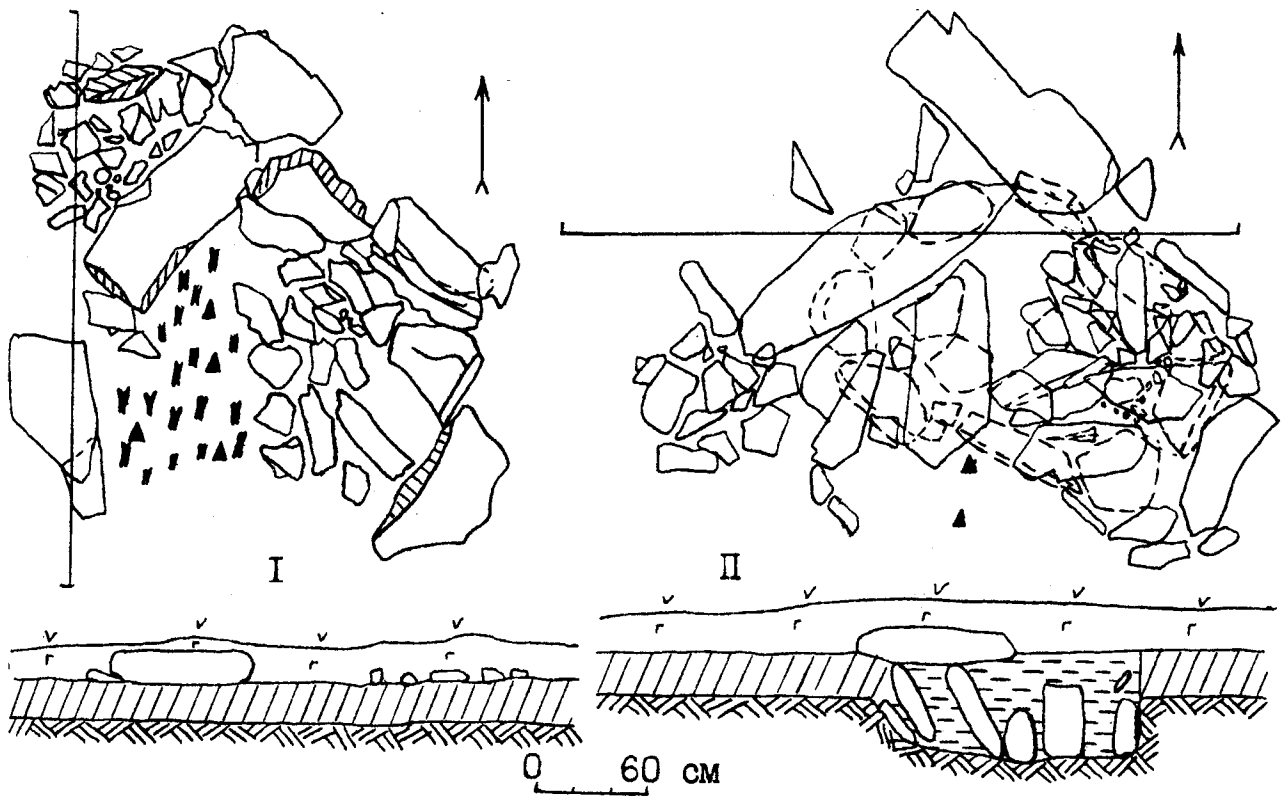

Рис.6. Могильник Элекманар-2. I - курган I; 2 - курган 3; 3 - курган 2; 4,9,II,12 - курган 4; 5,6 - курган 7; 7,8,10 - курган 10 (I-4,10,II,12 - бронза, 5-9 - кость).

I - наконечники стрел
 2 - браслет

Рис.7. Могильник Элекманар-2. I - объект 9; II-IV - курган 10.